

РСФСР

ОШКИНСКАЯ

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

1953 г.

КАНДИДАТ ФИЛОСОФСКИХ НАУК

И. Д. АНДРЕЕВ

Ошк. но,

ис-ого р-за

овской области

ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА И ЕГО ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ

•

Серия II
№ 36-37

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“

МОСКВА

1953

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

Кандидат философских наук
И. Д. АНДРЕЕВ

РСФСР

Министерство **ПОЗНАВАЕМОСТЬ МИРА**
Ветовская **И ЕГО ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ**
семилетняя школа

195 г.

п. о. Ветовское,
Гагинского р-на
Горьковской области

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1953

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Лекция первая	
Введение	3
Коренная противоположность материализма и идеализма в решении вопроса о познаваемости мира	7
Диалектический материализм о процессе познания. Начальная ступень познания	14
Абстрактное мышление — высшая ступень процесса познания	17
Роль языка в познании	22
Классики марксизма-ленинизма о практике как основе познания	27
Лекция вторая	
Объективный характер истины	34
Об абсолютной и относительной истине	39
Практика как критерий истины	50
Значение марксистско-ленинского положения о познаваемости мира для практической деятельности Коммунистической партии	58

★ К ЧИТАТЕЛЯМ ★

Издательство «Знание» Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний просит присылать отзывы об этой брошюре по адресу: Москва, Китайский проезд, 3.

Редактор — А. С. КАПЛУНОВ.

А 01889. Подписано к печ. 9/V 1953 г. Тираж — 170.000 экз. Изд. № 448.

Бумага 60 × 92¹/₁₆ — 2 бум. л. = 4 п. л. Уч.-изд. 4,2 л. Заказ № 898.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Лекция первая

Введение

Возникновение марксизма знаменует собой величайшее открытие, настоящую революцию в философии. Всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит прежде всего в том, что они впервые в истории общественной мысли создали стройное, единственно научное мировоззрение пролетариата — диалектический материализм. Глубоко изучив всю прежнюю материалистическую философию, Маркс и Энгельс освободили старый материализм от метафизики, обогатили его научным диалектическим методом, развили его дальше, распространив на область общественных явлений. Созданная ими философия пролетариата явилась качественно новой философской системой, коренным образом отличающейся от всех прежних, хотя бы и прогрессивных, философских систем.

В новых исторических условиях эпохи империализма и пролетарских революций великие вожди пролетариата Ленин и Сталин творчески развили дальше диалектический материализм, обогатили его новыми положениями и выводами, вытекающими из новой практики революционной борьбы пролетариата и его партии.

Величайшим теоретическим итогом громадного опыта, накопленного Коммунистической партией Советского Союза, Советским государством и мировым революционным движением, являются произведения товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР».

В этих трудах товарищ Сталин продвинул далеко вперед развитие всех коренных вопросов марксистско-ленинской философии, дал глубокие исчерпывающие ответы на насущные вопросы, вставшие перед нами в ходе строительства социализма и коммунизма в СССР и революционной борьбы трудящихся всего мира, осветил мощным светом марксистско-ленинской науки развитие всех общественных и естественных наук, идейно вооружил Коммунистическую партию и советский народ в борьбе за торжество коммунизма.

Поднятый на недостижимую высоту в произведениях

товарища Сталина, диалектический материализм вооружает нас единственно научным методом познания и преобразования окружающей нас действительности.

Товарищ Сталин указывает, что мировоззрение марксистско-ленинской партии «называется диалектическим материализмом потому, что его подход к явлениям природы, его метод изучения явлений природы, его метод познания этих явлений является **диалектическим**, а его истолкование явлений природы, его понимание явлений природы, его теория — **материалистической**»¹.

В труде «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин впервые в истории марксизма в систематическом, стройном виде изложил основные черты марксистского диалектического метода и марксистского философского материализма, ярко показал их величайшее значение для практической деятельности пролетариата и его партии.

Вскрывая коренную противоположность идеализма марксистскому философскому материализму и характеризуя первую черту марксистского философского материализма, товарищ Сталин указывает: «...философский материализм Маркса исходит из того, что мир по природе своей **материален**, что многообразные явления в мире представляют различные виды движущейся материи, что взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи, что мир развивается по законам движения материи и не нуждается ни в каком «мировом духе»².

Это важнейшее положение марксистского философского материализма, всесторонне обоснованное товарищем Сталиным, имеет исключительно важное значение. Оно наголову разбивает бредни идеализма о том, что мир якобы представляет собой воплощение «абсолютной идеи», «мирового духа», «сознания», что единство мира будто бы состоит не в его материальности, а в его «духовности».

Все достижения науки и особенно естествознания неопровержимо свидетельствуют о том, что все окружающее нас есть не что иное, как различные виды вечно движущейся материи, что никакого сверхъестественного, духовного, нематериального мира никогда не существовало и не существует, что природа, материя никем и ничем не создана, а существует вечно, превращаясь из одного состояния в другое.

Но если в мире нет ничего, кроме вечно движущейся материи, то чем объяснить появление наших мыслей, сознания, каково их отношение к окружающему нас миру?

Единственно правильный, научный ответ на этот вопрос

¹ И Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 535. Изд. 11-е.

² Там же, стр. 541.

дает марксистский философский материализм. Характеризуя вторую черту марксистского философского материализма, товарищ Сталин пишет:

«В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях,— марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку»¹.

В этой классической формулировке товарищ Сталин показал, что не сознание людей порождает окружающий нас материальный мир, а, наоборот, материя, существуя вне нас и независимо от нас, порождает наши идеи, сознание, мышление, что наши мысли, идеи, сознание есть не что иное, как отражение в мозгу человека предметов, явлений материального мира.

Вопрос об отношении мышления к бытию, сознания к материи классики марксизма-ленинизма называли главным, основным вопросом философии. Философы всех времен и народов делятся на два противоположных, борющихся между собой лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те философы, которые считали, что первичным является дух, сознание, мышление и которые в конечном счете признавали сотворение мира, составили лагерь идеализма. Те же философы, которые считали, что основным началом является окружающий нас материальный мир, природа, составили лагерь материализма.

Реакционные философы всегда стремились обойти решение основного вопроса философии, примирить материализм и идеализм, спрятать реакционное идеалистическое существо своего мировоззрения, но из этого ничего не получалось, кроме путаницы, софистики и шарлатанства. За какими бы самонадеявшимися «измами» ни скрывались многочисленные «школы» и «направления» современной буржуазной американско-английской философии, они выражают одно и то же реакционное существо, принадлежат к одному лагерю, ибо все они идеалистически решают основной вопрос философии.

Но основной вопрос философии имеет еще и другую сторону: «...как относятся наши мысли об окружающем нас мире к

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 542.

самому этому миру? В состоянии ли наше мышление познавать действительный мир, можем ли мы в наших представлениях и понятиях о действительном мире составлять верное отражение действительности?»¹.

Идеалисты не могли дать научно обоснованного ответа на этот вопрос. Они, как правило, всегда отражали идеологию реакционных, отмирающих классов, не заинтересованных в истинном познании мира, в целях его революционного преобразования. Поэтому идеалисты всех разновидностей в той или иной форме, открыто или замаскированно, но, по существу, всегда отрицали возможность достоверного познания человеком окружающей нас действительности.

Единственно научный и исчерпывающе обоснованный ответ на вопрос о познаваемости мира содержится в третьей черте марксистского философского материализма. Товарищ Сталин формулирует ее следующим образом:

«В противоположность идеализму, который оспаривает возможность познания мира и его закономерностей, не верит в достоверность наших знаний, не признает объективной истины, и считает, что мир полон «вещей в себе», которые не могут быть никогда познаны наукой,— марксистский философский материализм исходит из того, что мир и его закономерности вполне познаваемы, что наши знания о законах природы, проверенные опытом, практикой, являются достоверными знаниями, имеющими значение объективных истин, что нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики»².

Вся история развития научных знаний неопровержимо доказывает истинность этого важнейшего положения диалектического материализма. Каждое новое открытие в науке показывает, что от незнания человек идет к знанию, неизвестные и непознанные явления становятся известными и познанными. что нет такой тайны в окружающем нас мире, которую человек не способен разгадать и познать.

Классики марксизма-ленинизма не только всесторонне и исчерпывающе доказали возможность познания мира и его закономерностей, но указали единственно правильный метод, пути и способы этого познания. Создав теорию познания диалектического материализма, они вооружили человечество диалектическим методом познания, при помощи которого люди открывают самые сокровенные тайны окружающей нас действительности.

Обобщая новейшие достижения науки и общественной практики, товарищ Сталин неустанно развивал и обогащал эту теорию. Величайшим вкладом в развитие марксистско-ленинской

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 351. Госполитиздат. 1952.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 543.

теории познания являются труды товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР».

В труде «Марксизм и вопросы языкознания» получили глубокую и всестороннюю разработку такие коренные вопросы марксистской гносеологии, как связь языка с мышлением, значение абстрактного мышления в процессе познания, вопрос о конкретности истины, об источнике познания, о роли свободного обмена мнений в процессе познания и другие.

В труде «Экономические проблемы социализма в СССР» товарищ Сталин глубоко творчески разрабатывает, развивает дальше такие важнейшие вопросы марксистско-ленинской теории познания, как объективный характер законов природы и человеческого общества, конкретность истины, единство науки и практики, значение изучения глубинных сил, определяющих ход событий, и многие другие. В этом произведении И. В. Сталин подверг беспощадной критике антимарксистскую субъективно-идеалистическую точку зрения на характер закономерностей развития природы и общества.

Изучению марксистско-ленинской теории о познаваемости мира и его закономерностей, о путях и способах познания окружающей нас действительности и посвящена настоящая брошюра.

Коренная противоположность материализма и идеализма в решении вопроса о познаваемости мира

Вопрос о познаваемости мира в примитивной форме вставал на самых ранних ступенях развития человеческого общества. Уже первобытный человек пытался найти ответы на вопросы: что представляет собой мир, какие силы управляют миром, развивается ли он по законам, ему присущим, или он управляется деятельностью неведомых сверхъестественных сил, какова причина наступления различных природных явлений и т. п. Ясно, что научно обоснованные ответы на эти вопросы человек тогда получить не мог и зачастую вынужден был фантазировать, прибегать для объяснения природных явлений к придуманной им особой божественной силе, чем и воспользовались впоследствии идеологи эксплуататорских классов, закрепив это фантастическое, искаженное представление об окружающей нас действительности в различных религиозно-идеалистических философских системах.

Но уже тогда делались попытки естественного объяснения явлений природы, т. е. рассмотрения мира таким, каков он есть на самом деле. Эти попытки наивного, но, по сути дела, правильного подхода к изучению природы особенно ярко выступают в античной материалистической философии, родившейся и развивавшейся в жесточайшей борьбе с идеализмом.

Борьба материализма с идеализмом в древней Греции, как и во всей последующей истории философии, велась не только вокруг основного вопроса философии — об отношении мышления к бытию, но также и вокруг второй стороны основного вопроса — о познаваемости мира, т. е. о том, способно ли человеческое мышление правильно отразить, познать, раскрыть сущность вещей и явлений материального мира.

Идеалистическая точка зрения о том, что мир якобы по своей природе принципиально непознаваем, наиболее откровенно проповедуется скептиками и агностиками, представителями эксплуататорских классов, не заинтересованных в познании законов мира. Раскрывая сущность агностицизма, В. И. Ленин писал:

«Агностик — слово греческое: *а* — значит по-гречески *не*; *gnosis* — *знание*. Агностик говорит: *не знаю*, есть ли объективная реальность, отражаемая, отображаемая нашими ощущениями, объявляю невозможным знать это... Отсюда — отрицание объективной истины агностиком и терпимость, мещанская, филистерская, трусливая терпимость к учению о леших, домовых, католических святых и тому подобных вещах»¹.

Агностики пессимистически подходят к оценке человеческих знаний, не верят в достоверность научных данных. Нам даны только наши субъективные переживания, говорят они, а потому нельзя даже определить, существует или нет окружающий нас мир.

Агностицизм получил большое распространение уже в древней Греции, особенно в период вырождения античной философии, как отражение этого вырождения. Такие философы, как Пиррон, Протагор, Горгий, Секст-Эмпирик и др., открыто утверждали невозможность познания окружающего нас мира. Всякое знание, говорил, например, Протагор, есть лишь мнение, а значит, ложного ничего нет, как нет и ничего истинного. Как кому кажется, так и есть на самом деле: «человек,— говорил он,— есть мера всех вещей».

В новое время ярким представителем скептицизма и агностицизма (поскольку скептицизм, как теория познания, совпадает с агностицизмом) был английский философ — идеалист XVIII века Давид Юм. Все научные знания, все законы природы, по мнению Юма, суть порядок, к которому привыкают люди. Юм даже не пытается исследовать, что лежит за пределами наших ощущений, считая выяснение этой задачи непосильным для человека.

Являясь выражением интересов отмиравших реакционных классов, философия Юма на место науки ставит веру, интуицию. Другой представитель агностицизма, Кант, прямо заявляет, что он ограничивает науку с тем, чтобы оставить место для религии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 115. Изд. 4-е.

В отличие от Юма, Кант признавал существование объективного мира «вещей в себе», но объявлял их непознаваемыми. Предметы и явления окружающей нас действительности были отнесены Кантом к области «потустороннего» мира, недоступного познанию и открываемого верой.

Но не все идеалисты открыто признавали невозможность познания мира,—слишком очевидна была несостоятельность доводов агностиков. Многие идеалисты, например Гегель, готовы были формально признать, что «разум» (или «дух»), творящий мир, способен познать свое произведение. Однако от этого идеалисты не перестают быть агностиками, ибо человек, по их мнению, может познать не явления окружающей действительности, а всего лишь свои субъективные представления или объективный «мировой дух», «разум».

Агностицизм в той или иной форме присущ всем современным идеалистическим философским системам. Объявляя все наши знания лишь субъективными восприятиями, якобы не отражающими действительного содержания мира, они подрывают основы науки, возрождают религию и поповщину, обрекают человечество на пассивность и бездействие, отвлекают трудящиеся массы от борьбы за изменение мира. Если мир непознаваем, заявляют буржуазные философы, значит непознаваемы и явления общественной жизни, а не зная закономерностей общественного развития, человек не может изменить существующий общественный строй, следовательно, трудящимся массам остается примириться с капиталистической эксплуатацией и ждать помощи неведомой божественной силы, которая бы изменила их судьбу. Таково реакционное классово-партийное содержание всякого и, прежде всего, современного идеализма.

Вот почему современные, в первую очередь американо-английские монополисты — поджигатели третьей мировой войны, вместо подлинной науки с большим рвением в своих классово-эксплуататорских целях используют различные реакционные, идеалистические лженаучные «теории» — расизм, космополитизм, социальный дарвинизм, вейсманизм-морганизм, «теории» правых социалистов о «гармонии» классовых интересов пролетариев и капиталистов и тому подобные бредни дипломированных лакеев буржуазной науки.

Идеологи американо-английского империализма хорошо понимают, что подлинная наука и разум являются сильнейшим оружием трудящихся в борьбе с империализмом. Поэтому они всячески пытаются дискредитировать науку, доказать ее бессилие познать окружающий мир, стремятся заменить ее религией, призывающей эксплуатируемых смиренно покориться эксплуататорам.

В «чрезмерном» росте науки и техники американо-английские мракобесы видят источник всех ужасов современного им-

периализма. Поэтому такие буржуазные философы, как Карнап, предлагают вытравить из философского словаря само слово «истина», а один французский журнал опубликовал статью, в которой истерически вопит о том, что «настало время вешать ученых». В Америке появляется все больше и больше книг, которые доказывают связь философии с религией. Особенно активную «деятельность» на этом поприще проявляют американские персоналисты¹ Ройс, Броун, Флювеллинг, Брайтман и др., которые выступают с открытой проповедью фидеизма, поповщины. Так, Флювеллинг уверяет, что «материя существует в результате действия целесообразной воли и высшей силы... бога, высшей личности, истинной тайны мирового порядка». Другой персоналист, Брайтман, определяя существо своей философии, пишет: «Персонализм — это вера в то, что вселенная есть общество сознательных существ, что энергия, описываемая физиками, есть божья воля в действии. Все, что есть, — есть сознательный дух, или некоторая фаза, либо аспект сознательного духа».

Не отстают от своих американских хозяев и английские мракобесы. Так один английский математик Уайттекер написал книгу, которая называется «Пространство и дух. Тесрия вселенной и доказательство существования бога».

Подобная литература, от которой веет мраком средневековья, наводняет ныне все страны американско-английского реакционного блока. Решительный отказ от научного познания мира, открытая проповедь фидеизма и поповщины — яркий показатель деградации, разложения современной буржуазной науки и философии, показатель предельного падения, маразма и паразитизма всей системы современного империализма.

На протяжении всей своей многовековой истории материализм вел самую решительную и беспощадную борьбу против агностицизма, против идеализма. История развития материалистической мысли, как указывал А. А. Жданов, есть в сущности история его борьбы с идеализмом. В этой непрерывной борьбе материализм закалялся, проверял и совершенствовал свою теорию познания.

Еще древнегреческие материалисты Демокрит, Ксенофан, Парменид и др. подвергали критике скептицизм. Выступая в качестве наивных реалистов, первые античные философы-материалисты не подвергали сомнению способности человека познавать мир с помощью своих чувственных восприятий и разума, отстаивали и обосновывали объективную истинность человеческих знаний. Сильный удар по агностицизму нанес метафизический, механистический материализм XVII—XVIII веков. Он явился философским выражением интересов молодого нарож-

¹ Персонализм — реакционное философское течение, признающее первосилой бытия божественную, духовную личность, персону.

давшего класс буржуазии и знаменовал собой прогрессивную ступень в развитии материализма.

Представители материализма XVII века Френсис Бэкон, Томас Гоббс, Джон Локк, французские материалисты XVIII века Дидро, Гольбах, Гельвеций, Робинэ, Ламеттри, немецкий философ-материалист XIX века Людвиг Фейербах и другие также подвергали критике агностицизм, идеализм в теории познания, доказывали, что человек способен познать окружающий нас мир, способен раскрыть тайны природы. Считая, что мир существует независимо от людей и что все наши знания являются отражением объективного мира в человеческом сознании, материалисты XVII—XVIII веков доказывали, что истинным объектом познания является сама природа, а главным средством познания — опыт, эксперимент.

Критерием истины они признавали полное соответствие представлений о вещах и явлениях объективного мира с самими вещами и явлениями. Это соответствие, по их мнению, может быть установлено при помощи опыта; всякое познание поэтому должно начинаться с опыта, с эксперимента и им же завершаться.

Следовательно, говоря об истинности познания, материалисты XVII—XVIII веков обращались к практике, к опыту, как к средству проникновения «в самое святилище природы» и опоре в борьбе с идеализмом. Это, конечно, не значит, что они правильно понимали роль практики в теории познания. Домарксовские буржуазные материалисты оставались созерцательными, метафизическими материалистами, они не дошли до понимания того, что познание законов природы и общества может успешно совершаться только в процессе практической деятельности общественного человека, направленной на изменение природы и общества. Они были не способны оценить величайшее значение общественной революционной практики как основы человеческого познания, как критерия его истинности и сводили практику лишь к опыту, к эксперименту. Непонимание ими определяющей роли общественной практики в познании объективного мира объясняется главным образом тем, что в вопросах истории человеческого общества они стояли на идеалистических позициях.

Историческая ограниченность домарксовских буржуазных материалистов в теории познания состояла также и в том, что они не видели активной роли мышления как в познании, так и в практической деятельности. Процесс познания сводился у них к созерцанию, к пассивному восприятию вещей и явлений объективного мира. Истина для большинства из них — это простое соответствие наших знаний внешнему миру, а как доказать это соответствие, как проверить истинность знаний, они не могли научно объяснить.

Выдающиеся представители русской материалистической

философии XIX века — Герцен, Белинский, Чернышевский, Добролюбов в своих философских воззрениях стояли на голову выше всего домарковского материализма. Они остроумно высмеивали и беспощадно разоблачали реакционную сущность агностического идеализма. В жесточайшей борьбе с агностицизмом, с идеализмом они создавали научную теорию познания, вплотную приближавшуюся к теории познания диалектического материализма. Классики русской философии XIX века не были созерцательными материалистами. Они не только теоретически признавали возможность познания мира, как их западноевропейские предшественники, а рассматривали познание как действенную силу, способную осветить путь к изменению существующей действительности, стремились указать русскому народу пути выхода из нищеты, боролись за прогрессивное развитие общества. Свои философские взгляды классики русского материализма XIX века стремились теснейшим образом связать с действительностью, науку — с жизнью, теорию — с практикой.

Классики материалистической русской философии пошли дальше западноевропейского домарковского материализма и в вопросе о критерии истины. Они заявляли, что наши знания могут считаться истинными только тогда, когда они проверены на практике. Действительность, говорил Н. Г. Чернышевский, можно познать только в процессе практической деятельности, ибо только она способна отличить истинные знания от мнимых.

Чернышевский и Добролюбов вплотную подошли к пониманию роли практики, как революционной деятельности людей. Однако русские материалисты XIX века не могли подняться до понимания практики, как общественно-производственной деятельности людей, совершающейся на определенной ступени исторического развития общества, в условиях исторически сложившихся производственных отношений, ибо в силу отсталости экономических отношений в России они не смогли раскрыть и понять подлинные законы общественного развития.

Таким образом, вопрос о познании мира не получил во всей домарковской философии подлинно научного разрешения. Это объясняется прежде всего тем, что все буржуазные философы-материалисты до Маркса отрывали процесс познания от общественной практики, от исторически определенной общественно-производственной и политической деятельности человека. Практика не рассматривалась ими как конкретно-историческая деятельность классово-определенного человека, как практика исторически определенных общественных классов. Все буржуазные философы в своих воззрениях не идут дальше понимания человека лишь как биологического существа, вся деятельность

которого (в том числе и мышление) определяется якобы только его физической природой, а не теми общественными отношениями, в которых он живет.

В. И. Ленин указывал, что беда домарковского механистического материализма состояла в том, что его представители не умели применить диалектику к теории познания и потому она (теория познания) оставалась метафизической, исторически ограниченной. Правда, революционеры-демократы — классики русской материалистической мысли XIX века — сумели вплотную подойти к решению вопроса о познаваемости мира. Однако и они, не владея историческим материализмом, не смогли правильно решить эту проблему.

Полное подлинно научное решение этого вопроса стало возможным лишь с позиций диалектического материализма, с позиций рабочего класса, ибо он представляет собой единственную последовательно революционную часть общества, заинтересованную в действительном познании мира в целях его революционного преобразования.

Только создатели диалектического материализма Маркс и Энгельс впервые в истории науки показали истинную сущность человеческой практики как общественно-исторической, производственной, революционно-критической деятельности людей, направленной на прогрессивное преобразование природы и человеческого общества, и тем самым правильно поставили и научно исчерпывающе решили вопрос о возможности и путях познания истины, совершив целый революционный переворот в теории познания.

Опираясь на достижения науки и передовой революционной практики, классики марксизма-ленинизма всесторонне обосновали безграничную возможность познания человеком окружающей нас действительности, вооружили человечество мощным оружием познания и революционного изменения природы и общества.

Революционное учение классиков марксизма о возможности познания материального мира еще при жизни Маркса и Энгельса подвергалось ожесточенным нападениям со стороны реакционных классов. В эпоху империализма и пролетарских революций, когда вопрос о свержении старого, капиталистического строя и создании нового, коммунистического строя стал вопросом практической деятельности масс, марксистская теория познания подверглась еще более яростным нападениям и извращениям со стороны различных идеологов империализма. Буржуазная философия, указывал Ленин, особенно специализировалась в это время на гносеологии.

Величайшая всемирно-историческая заслуга вождей революции Ленина и Сталина состоит в том, что они не только до конца разоблачили реакционную, антинаучную сущность идеа-

листической гносеологии буржуазных философов, но подвергли дальнейшей глубокой разработке теорию познания диалектического материализма. Творчески обобщая новейшие научные открытия и практику революционной борьбы масс, Ленин и Сталин вооружили коммунистические и рабочие партии всех стран, трудящихся всего мира, передовых ученых могучим оружием познания объективных законов развития природы и общества и их использования в интересах трудящихся, в интересах построения нового, коммунистического общества.

Единственно научная марксистско-ленинская теория познания вселяет уверенность в безграничной возможности познания мира, открывает огромную перспективу для развития передовой науки. Ярчайшим доказательством этого является стремительный гигантский рост передовой советской науки.

Следующие разделы брошюры посвящаются изложению основных положений марксистской теории познания и ее дальнейшего творческого развития в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Диалектический материализм о процессе познания. Начальная ступень познания

Великий революционный переворот, совершенный классиками марксизма-ленинизма в теории познания, состоит в том, что они впервые в истории общественной мысли показали, что познание представляет собой **диалектический процесс** отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека, совершающийся на основе общественной практики. Они доказали, что познание — это не мгновенное отражение, не мертвый, не неподвижный отпечаток, а сложный, противоречивый, бесконечный процесс движения человеческого сознания от незнания к знанию, от неполных, неточных знаний — к более полным и более точным знаниям.

Процесс познания человеком объективной действительности, с точки зрения диалектического материализма, состоит из двух основных ступеней или моментов: эмпирического, т. е. опытного, и рационального, т. е. умственного.

В истории философии эти моменты познания часто рассматривались односторонне, метафизически, отрывались друг от друга, противопоставлялись друг другу. Одни философы — сторонники рационализма (Декарт, Спиноза и др.) — видели источник наших знаний главным образом в умственной деятельности людей, в разуме. Реальным и надежным они признавали только разум, сознание и совершенно игнорировали в процессе познания значение опыта, чувственного восприятия.

Порочность рационализма состоит в его игнорировании положения о том, что рациональное познание не может протекать без чувственного восприятия. Совершенно бессмысленно гово-

рять о познании человека, лишенного органов чувств, при помощи которых он общается с внешним миром. Прежде чем мыслить, нужно получить материал, факты из окружающей действительности, составляющие источник познания.

Существовало в истории философии и другое, противоположное направление, называемое эмпиризмом (Бэкон, Гоббс, Локк и др.). Представители этого направления считали основой и источником наших знаний опыт и игнорировали роль рационального, логического момента в процессе познания. Они не понимали, что материал чувственного восприятия не может отразить сущности, внутреннего содержания изучаемого явления. Для полного и всестороннего изучения явлений материального мира необходимо материал чувственного восприятия подвергнуть рациональной, мыслительной, умственной обработке, т. е. совершить скачок от ощущений к логическому, абстрактному, рациональному познанию. Логическое мышление, как мы увидим ниже, играет огромную роль в познании, составляет наиболее важную его ступень.

Диалектический материализм отрицает односторонний подход к процессу познания, считая, что рациональный и эмпирический моменты познания диалектически связаны друг с другом, пронизывают друг друга, дополняют один другого в сложном и многообразном процессе познания, протекающем на основе общественно-исторической практики людей.

Характеризуя диалектический путь познания объективно существующего мира, В. И. Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности»¹.

Из этого классического положения В. И. Ленина прежде всего следует, что процесс познания начинается с живого созерцания, с восприятия вещей и явлений материального мира, т. е. с непосредственного взаимодействия человека с изучаемыми предметами, явлениями при помощи органов чувств.

Воздействуя на органы чувств человека (органы зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса), предметы внешнего мира вызывают в его сознании различные **ощущения** (ощущения определенного цвета, формы, твердости, запаха, вкуса и т. п.). Ощущение — это первый чувственный образ отдельных свойств предметов или явлений, возникающий в результате воздействия предметов или явлений на органы чувств человека. «Ощущение, — указывает В. И. Ленин, — есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств...»². Человек может общаться с внешним миром,

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146—147. Госполитиздат. 1917.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 106.

взаимодействовать с окружающими его предметами и явлениями только через ощущения.

Поэтому ощущения являются единственным источником наших познаний об окружающей нас действительности. В. И. Ленин указывал, что мы ни о каких формах вещества, ни о каких формах движения не можем ничего узнать кроме как через ощущения. Но при помощи ощущений в нашем сознании отражаются лишь отдельные свойства предметов и явлений. Целый же образ этих предметов и явлений отражается в сознании людей через более высокую форму познания — через восприятие.

Например, если мы наблюдаем какое-нибудь растение, то при помощи органов зрения мы ощущаем форму, цвет, величину этого растения; при помощи рук ощущаем характер поверхности стебля и листьев, их форму; при помощи обоняния устанавливаем запах растения и т. п. Но все эти ощущения воспринимаются нами не изолированно друг от друга, а как свойства единого предмета.

Ощущения дают материал для восприятий. Последние могут возникать только на базе ощущений. Но восприятие не есть механическая сумма ощущений, а целый чувственный образ предметов, явлений со всей совокупностью их свойств, качеств, сторон, отраженных в ощущениях.

Третьей формой чувственного отражения в сознании человека материального мира является представление.

Представление — это чувственный образ тех предметов и явлений, которые мы воспринимали раньше, но которые в данный момент непосредственно не воспринимаются. Это воспроизведение в сознании человека тех предметов и явлений, которые воздействовали на наши органы чувств, воспринимались в прошлом и сохранились в нашей памяти. Мы легко, например, воспроизводим в нашем сознании образы близких нам людей, знакомых, ранее воспринимавшихся нами предметов и т. п.

Представление, так же как ощущение и восприятие, является чувственным образом, возникающим в результате воздействия вещей и явлений на наши органы чувств. Но это более высокая форма чувственного отражения материального мира в сознании человека. Представление — это не механический отпечаток предмета, явления в мозгу человека, а результат всего богатого опыта прошлых восприятий. Поэтому представления содержат в себе элементы обобщения.

Ощущения, восприятия и представления составляют первую и необходимую ступень познания — ступень непосредственного, живого созерцания. Всякое познание начинается с непосредственного взаимодействия человека с предметами внешнего мира, совершающегося в процессе общественной практики. Это взаимодействие может происходить только при помощи органов чувств в форме ощущений, восприятий и представле-

ний. Поэтому чувственное познание является непосредственным или опосредованным источником всех познаний человека.

Характеризуя процесс возникновения мыслей у глухонемых и вскрывая неразрывную связь этих мыслей с объективной действительностью, товарищ Сталин писал в труде «Марксизм и вопросы языкознания»: «Мысли глухонемых возникают и могут существовать лишь на базе тех образов, восприятий, представлений, которые складываются у них в быту о предметах внешнего мира и их отношениях между собой благодаря чувствам зрения, осязания, вкуса, обоняния. Вне этих образов, восприятий, представлений мысль пуста, лишена какого бы то ни было содержания, т. е. она не существует»¹.

Это относится не только к глухонемым, но и ко всем другим людям, которые в отличие от глухонемых обладают не только органами зрения, осязания, вкуса, обоняния, но и органами слуха. Только благодаря этим органам чувств человек может общаться с предметами, явлениями внешнего мира, отражать их в своем сознании, познавать их свойства, качества, закономерности их развития.

Абстрактное мышление — высшая ступень процесса познания

Однако процесс познания не может ограничиться только чувственной ступенью. Для того чтобы глубже, полнее, разностороннее познать предметы и явления окружающего нас мира, нужно от первой, чувственной ступени перейти ко второй, наиболее важной ступени познания — к абстрактному мышлению.

Посредством ощущений отражаются главным образом единичные вещи, выясняется то, что лежит на поверхности явлений. Но диалектический материализм не довольствуется познанием одних внешних сторон, а стремится проникнуть в сущность реального мира, глубже познать закономерности развития природы, общества и человеческого мышления, что совершенно невозможно без теоретического научно-абстрактного мышления. Адекватное (т. е. тождественное, в основном точное), полное отражение действительности происходит в научных понятиях в процессе диалектического мышления на основе общественной практики.

«Познание,— учит Ленин,— есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc...»².

Наука не представляет собой простой сводки наблюдений и экспериментов. Сами наблюдения и эксперименты имеют

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 47. Госполитиздат. 1951.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 156.

смысл только в том случае, когда они делаются не вслепую, а сочетаются с глубоким научно-теоретическим мышлением, когда человек путем сравнений, сопоставлений вещей и явлений, путем обобщений и т. п. делает выводы не только о том, что непосредственно воспринимается, но и о том, что непосредственно воспринять нельзя (например, процесс образования небесных светил, процесс развития жизни на земле и т. п.).

Логическая обработка, обобщение фактов, результатов наблюдений дает возможность отразить общие черты, существенные свойства предметов и явлений, проникнуть в глубину содержания фактов, в единичном раскрыть общее, главное, существенное.

Силой одних только ощущений человек был бы не в состоянии измерять расстояния между звездами, «взвешивать» планеты, звезды, Солнце, определять их химический состав, температуру и т. п. Это стало возможным благодаря человеческому разуму, мышлению.

Глазами мы можем видеть цвета, фигуры, внешнее состояние предмета, ушами — слышать звуки, издаваемые им, органами обоняния — чувствовать запах и т. п., но ни глазами, ни ушами, ни органами обоняния мы не можем непосредственно познать общие связи и отношения между вещами и явлениями объективного мира, ибо они не могут быть восприняты чувственно. И только восходя на ступень абстрактного мышления, мы можем познать действительную сущность окружающих нас явлений.

Процесс абстрактного мышления осуществляется в трех основных формах: в форме понятий, суждений и умозаключений.

Понятие — это форма мышления, в которой отражаются наиболее общие, наиболее существенные, решающие и необходимые свойства, признаки реальных вещей и явлений. В понятиях отражаются не все признаки предметов, которые воспринимаются нашими органами чувств, а только главные, существенные признаки. Так, например, в понятии «человек» фиксируется все то общее, существенное, что принадлежит всем людям (например, способность изготовлять орудия производства). Поэтому понятие лишено наглядности. В процессе образования понятия мы отвлекаемся от индивидуальных, случайных, несущественных признаков отдельных предметов, а обобщаем восприятия, представления большого количества однородных предметов, выделяем в них то, что необходимо присуще им, что составляет их специфику.

Абстрагируясь от случайного, несущественного, индивидуального, мы как бы отходим от конкретных вещей и явлений, но этот отход мы совершаем для того, чтобы лучше познать. Содержанием понятия служит тот материал, который дают человеку восприятия, представления, т. е. в конечном счете

объективная действительность, человеческая практика. Понятия, говорит Энгельс, суть «результаты, в которых обобщаются данные опыта...»¹.

Самые общие понятия поэтому не оторваны от действительности, от реальных единичных вещей и явлений (как это утверждают идеалисты), а теснейшим образом связаны с ними, содержат в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного.

Мышление обходит, опускает несущественное, частное, что принадлежит индивидуальным предметам, но, абстрагируясь (т. е. отвлекаясь) от деталей, мы получаем возможность полнее, глубже, разностороннее познать конкретные предметы. «Мышление,— пишет В. И. Ленин,— восходя от конкретного к абстрактному, не отходит — если оно *правильное... от истины*, а подходит к ней... *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»².

Понятия позволяют нам правильно ориентироваться в конкретных условиях, правильно понять и оценить отдельные события, обобщать конкретные факты, опыт людей, практику революционной деятельности масс, позволяют строить научное предвидение.

Поэтому понятия играют огромную роль в научном исследовании. Каждая наука вырабатывает определенную систему понятий, в которых обобщается и концентрируется все богатство наших знаний.

Но прежде чем составить научное понятие о том или ином предмете, люди проходят длинный путь изучения этого предмета. Сначала люди узнают о самых простых, поверхностных свойствах предмета. Но в процессе дальнейшего изучения постигаются все более и более глубокие, скрытые, внутренние свойства, особенности изучаемого предмета. По мере выявления отдельных свойств, особенностей предмета мы составляем суждение об этом предмете.

Суждение — это отражение в сознании человека какого-либо признака, свойства, особенности предмета. В «Диалектике природы» Энгельс ярко показал, как в процессе углубления знаний происходит процесс совершенствования, углубления наших суждений о предметах объективного мира. Еще доисторические люди знали, указывает Энгельс, что трение производит теплоту, но прошло много тысячелетий, пока люди могли высказать суждение: «трение есть источник теплоты». Прошли новые тысячелетия, и люди в процессе дальнейшего изучения сущности движения сформулировали новое, более глубокое суждение: «всякое механическое движение способно посред-

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 14. Госполитиздат. 1951.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 146.

ством трения превращаться в теплоту». И только в середине XIX века, когда наука и общественная практика в своем развитии шагнули далеко вперед, люди получили возможность сформулировать суждение, являющееся всеобщим законом движения: «любая форма движения способна превращаться в любую другую форму движения».

Так изменение, углубление наших знаний сопровождается совершенствованием и углублением суждений людей о предметах, явлениях материального мира.

Суждение является одной из основных и важнейших форм мышления. В суждениях отражается объективная связь предметов и явлений, их внутреннее содержание и закономерности развития. Всякий закон объективного мира, всякое научное положение выражается в форме определенного суждения.

Особенно большую роль в процессе логического мышления играют умозаключения.

Умозаключение — это такой мыслительный акт, в котором из истинных суждений выводится новое суждение о вещах и явлениях объективного мира. Без помощи умозаключений люди не могут познавать явления и процессы, которые непосредственно не воспринимаются органами чувств. Люди, например, не могут непосредственно видеть форму Земли, но они знают, что она имеет приблизительно шарообразную форму. К этому выводу люди пришли благодаря правильной связи, например, таких истинных суждений: «все шарообразные тела всегда отбрасывают тень в форме диска» и «Земля во время лунных затмений всегда отбрасывает тень в форме диска». Отсюда следует вывод: «Земля имеет форму шара».

Правильные умозаключения должны удовлетворять двум основным условиям: во-первых, суждения (посылки), из которых выводится умозаключение, должны быть истинными, т. е. соответствующими действительности, и, во-вторых, связь этих суждений (посылок) в умозаключении должна быть логически правильной по форме. Элементарные законы и формы правильного построения суждений в умозаключении изучаются формальной логикой.

Таким образом, абстрактное мышление в форме понятий, суждений и умозаключений дает нам возможность более полно и глубоко познать объективный мир, раскрыть наиболее важные, существенные стороны, связи и закономерности действительности, почему оно и представляет собой наиболее важную, высшую ступень познания человеком объективного мира.

Общественно-историческая деятельность людей может усиливаться, углубляться и расширяться благодаря теоретическому мышлению, благодаря усилению, углублению и развитию научной мысли, а теория в свою очередь проверяется и дополняется в процессе общественно-исторической практики людей.

«...При анализе экономических форм,— писал Маркс,—

нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. И то и другое должна заменить сила абстракций»¹.

В. И. Ленин писал по этому вопросу:

«Представление... не схватывает движения с быстротой 300.000 км. в 1 секунду, а мышление схватывает и должно схватить»².

Представление бессильно отразить процесс превращения семени в растение, процесс роста растения, процесс эволюционного развития животных и растений, происходивший в течение многих тысячелетий, и т. п. Это может охватить и отразить человеческое мышление.

В процессе мышления человек сопоставляет и синтезирует теоретический и практический опыт прошлых поколений (отраженный и закрепленный в законах науки, понятиях, логических категориях) и практику людей настоящего времени. Освещая с помощью теории практику и учитывая ее новые данные, передовые ученые развивают дальше саму теорию. Это в свою очередь позволяет теоретическому мышлению предвосхищать факты, опережать практику и на этой основе выдвигать научные гипотезы, строить научное предвидение.

Энгельс говорил, что муравьи имеют более совершенное зрение, чем человек,— они видят даже химические световые лучи. Но человек, не видя эти лучи, сумел обнаружить и познать их. Сам факт возможности доказать, что муравьи видят невидимые для нас лучи, является ярким свидетельством того, что определенное устройство нашего зрения не является абсолютной границей для человеческого познания. К нашему глазу присоединяются другие органы чувств, а главное — мышление.

Обосновывая неразрывную связь мышления с языком и вскрывая огромную роль языка в практической и познавательной деятельности людей, И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания» глубоко раскрыл абстрагирующую деятельность человеческого мышления, ярко показал величайшее значение научных абстракций. «Грамматика,— учит товарищ Сталин,— есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»³.

Характеризуя специфические черты грамматики и разоблачая марровцев, принижавших абстрагирующую деятельность человеческого мышления, И. В. Сталин глубоко вскрывает огромную роль научных абстракций, показывает решающее значение способностей человеческой мысли отвлечься от частного и конкретного для того, чтобы познать общее, существенное, основное в явлениях материального мира.

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 409.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 199.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

Эти положения товарища Сталина вносят новый вклад в обоснование и развитие марксистского положения о значении абстрактного мышления в познавательной и практической деятельности людей.

Роль языка в познании

Огромнейшая роль языка в процессе познания определяется его неразрывной связью с мышлением. Различные идеалистические школы и школки нередко прибегали к извращенному, антинаучному толкованию истории развития языка с целью оторвать его от мышления, противопоставить язык и мышление общественно-производственной и политической деятельности людей, отделить их от теории познания, от истории развития человеческого общества. На этот же путь стали и марровцы. Они утверждали, что язык якобы не связан с мышлением, что человечество будто бы вполне может обойтись без языка. «...Отрывая мышление от языка и «освободив» его от языковой «природной материи»,—пишет И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания»,— Н. Я. Марр попадает в болото идеализма»¹.

Разоблачая марровцев, И. В. Сталин доказал, что язык органически связан с мышлением, составляет с ним неразрывное целое, что общение людей может осуществляться только при помощи мышления, связанного с языком, как со своей формой. Но если мышление не может протекать в отрыве от своей материальной языковой формы, то из этого следует, что язык играет исключительную роль в познании человеком объективной действительности, ибо абстрактное мышление, как мы видели, является высшей ступенью процесса познания.

Известно, что еще Маркс и Энгельс указывали на исключительно важную роль языка в развитии человеческого мышления, в формировании и совершенствовании познавательной деятельности людей. Они подчеркивали, что возникновение и развитие языка было всегда теснейшим образом связано с мышлением. Формирование и совершенствование мышления и языка происходило одновременно в процессе общественно-трудовой производственной деятельности людей.

«Сначала труд,— писал Ф. Энгельс в произведении «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»,— а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...»². Подчеркивая неразрывную связь языка с мышлением, с сознанием человека, Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии»: «Язык так же древен, как и сознание; язык как раз и

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

² Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 135. Госполитиздат. 1952.

есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми»¹. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс разоблачает метафизику Дюринга, который, отрывая абстрактное мышление от речи, утверждал, что тот, «кто способен мыслить только при посредстве речи, тот еще никогда не испытал, что значит отвлеченное и подлинное мышление». «Если так,— отвечает на это Энгельс,— то животные оказываются самыми отвлеченными и подлинными мыслителями, так как их мышление никогда не затемняется назойливым вмешательством речи»².

Вслед за Марксом и Энгельсом В. И. Ленин и И. В. Сталин также высоко оценивали роль языка в познавательной деятельности человека. В «Философских тетрадах» В. И. Ленин прямо указывает на необходимость изучать историю языка и мышления для того, чтобы научиться вернее познавать мир.

И. В. Сталин, обобщая новейшие достижения передовой науки и революционной практики, с предельной глубиной и ясностью разработал в труде «Марксизм и вопросы языкознания» проблему взаимоотношения между языком и мышлением, убедительно доказал решающую роль их единства в процессе познания.

«Говорят,— пишет И. В. Сталин,— что мысли возникают в голове человека до того, как они будут высказаны в речи, возникают без языкового материала, без языковой оболочки, так сказать, в оголённом виде. Но это совершенно неверно. Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»³.

Идеалистический отрыв мышления от языка неизбежно приводит к извращенному, антинаучному объяснению самой сущности как языка, так и мышления, к признанию так называемого «чистого мышления», оторванного от материальной языковой оболочки.

И. В. Сталин показал значение языка как важнейшего средства общения между людьми, показал огромную роль языка в процессе познания человеком объективной действительности.

«Язык есть средство,— пишет И. В. Сталин,— орудие, при

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 20—21.

² Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 79.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе»¹.

Эти указания И. В. Сталина имеют исключительно важное значение для марксистско-ленинской теории познания. Они показывают, что только при помощи языка, т. е. при помощи слов, предложений, терминов и т. п., возможно отражение вещей и явлений объективного мира в сознании человека. Только при помощи языка человек выражает и закрепляет результаты своей познавательной деятельности, облекая человеческие мысли в материальную языковую оболочку. Какая бы мысль ни возникала в голове человека, она не может не быть оформленной в словах. Когда мы пытаемся даже для себя выяснить свои мысли, мы в уме стараемся подобрать такие слова и выражения, которые бы возможно точнее выражали наши мысли, связь одних мыслей с другими, переход от одних мыслей к другим и т. п. Мысли становятся действительностью как для мыслящего, так и для других людей только тогда, когда мы облекаем содержание наших мыслей в языковую форму, в материальную словесную оболочку. «...Мысль только тогда становится мыслью,— писал М. И. Калинин,— когда она высказана в речи, когда она вышла наружу посредством языка, когда она — как сказали бы философы — опосредствована и объективировалась для других»². Поэтому язык и мышление связаны между собой как форма и содержание и оторвать их друг от друга невозможно, как невозможно вообще оторвать форму от содержания, ибо объективная действительность не знает бесформенного содержания, как и бессодержательной формы.

Являясь формой выражения наших мыслей, язык в то же время служит важнейшим средством передачи этих мыслей другим людям, дает возможность закреплять и хранить приобретенные людьми знания. Не владея речью, человек не имел бы возможности передавать свои мысли, накопленные знания и практический опыт другим людям, ибо обмен мыслями между людьми может происходить только при помощи языка. Человек не мог бы воспользоваться знаниями не только предыдущих поколений, но и своих современников. Каждый индивид должен был бы начинать познание объективного мира сначала, и никакая наука не была бы возможна. Только при помощи устной и письменной речи люди передают из поколения в поколение непрерывно накапливаемые знания и таким образом

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, стр. 98. Изд. «Молодая гвардия». 1946.

двигают науку вперед. Люди благодаря этому, как указывал Энгельс, не нуждаются в том, «чтобы каждый отдельный индивид лично испытал все на своем опыте; его индивидуальный опыт может быть до известной степени заменен результатами опыта ряда его предков. Если, например, у нас математические аксиомы представляются каждому восьмилетнему ребенку чем-то само собой разумеющимся, не нуждающимся ни в каком опытном доказательстве, то это является лишь результатом «накопленной наследственности»¹. И эта «накопленная наследственность» может закрепляться, развиваться и передаваться только при помощи устной и письменной речи, не владея которой мы не могли бы воспользоваться всем тем богатством, которое выработало человечество на протяжении всей своей истории.

«Изучение родной речи,— писал М. И. Калинин, обращаясь к молодежи, — это великое дело. Самые высшие достижения человеческой мысли, самые глубокие знания и самые пламенные чувства останутся неизвестными для людей, если они не будут ясно и точно оформлены в словах»².

Обмениваясь мыслями, люди не только передают друг другу достигнутые ими знания, но получают возможность использовать эти знания для совместных действий в борьбе с силами природы, для подчинения их интересам людей, для коллективного производства материальных благ, для революционного преобразования общественной жизни.

Язык играет огромную роль и в самом процессе познания, так как только язык при помощи слов и предложений может выразить и закрепить мысли в сознании людей, успехи познавательной деятельности человека, ибо «идеи,— как писал Маркс,— не существуют оторванно от языка»³.

Язык поэтому является постоянным спутником человека во всем сложном и многообразном процессе познания от живого созерцания до абстрактного мышления и от абстрактного мышления до практики. Особенно большая роль принадлежит языку при переходе человеческого познания от непосредственных восприятий, ощущений, представлений к абстрактному мышлению в форме логических категорий и в процессе самого абстрактного мышления. Именно на этой ступени процесса познания объективного мира в сознании человека возникают новые мысли, идеи, открытия, которые облекаются в соответствующую языковую форму. Только высокоразвитый гибкий язык с богатым запасом слов может обеспечить гибкость мышления, дать ему возможность отразить многообразие мира, сложнейшие отношения и связи между вещами и явлениями действительности.

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 350.

² М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании, стр. 98.

³ Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99. Партиздат, 1935.

Совершенно противоположную точку зрения по этому вопросу проповедают современные американо-английские философы-идеалисты. Стремясь во что бы то ни стало «обосновать» идеалистическое истолкование сущности мышления, такие философствующие мракобесы, как Рассел, Карнап, Уайтхед и др., бездоказательно заявляют, что язык якобы не способен правильно передавать мысли человека, что речь может будто бы только исказить подлинное содержание мыслей. Они поэтому предлагают реформировать язык, освободить его от материальной языковой оболочки или, как они говорят, от «ложной метафизики», т. е. от материализма, и рассматривать «чистое» мышление, без вмешательства языка. «Логика,— вещает Рассел,— хоть в малейшей степени доверяющая языку, ведет к ложной метафизике». Ему вторит профессор Гарвардского университета Итон: «Кто следует просто грамматике языка,— говорит он,— тот не придет от правильных посылок к правильным выводам».

Классово-политическая сущность современных идеалистических извращений в грамматике языка и логике мышления особенно ясно видна в реакционной, так называемой семантической буржуазной философии. «Несовершенство языка», «неудовлетворительность его синтаксической структуры», утверждает представитель этого течения в буржуазной философии Карнап, является причиной всех земных зол, социальных беспорядков и научных заблуждений. Если бы людям удалось установить правильную конструкцию речи, устранить «неточность» слов и выражений, то в мире, по его мнению, воцарилась бы всеобщий мир и согласие. Он предлагает поэтому перестроить как форму языка, так и форму мышления. Пуская в глаза пыль «демократической» фразеологией о свободе, Карнап провозглашает «принцип терпимости», согласно которому в логике и в языке не существует морали, не существует законов и форм, обязательных для всех людей; каждый волен создавать для себя свой собственный язык, свою собственную логику, в которых он может «по произволу выбирать любые аксиомы и правила вывода». «Причина того, что до сих пор не осмеливаются уйти дальше от классической формы,— заявляет Карнап,— лежит, конечно, в широко распространенной точке зрения, что отклонения нужно «оправдать», т. е. доказать, что новая форма языка «правильна», что она передает «истинную логику». И Карнап скорбит, что «первые попытки освободить корабль логики от твердого берега классической формы были подавлены стремлением к «истинности». Теперь, наконец, это препятствие преодолено: перед нами лежит открытый океан свободных возможностей».

Оценивая словоблудие американских семантиков, один голландский прогрессивный деятель писал в журнале «Политика и культура»: «Цель всех этих «теорий» ясна. Это — стремление

разрушить национальные языки, внушить мысль о неизбежности постепенной замены национальных языков английским языком, о неизбежности превращения языка янки в мировой язык»¹.

Истинный смысл всех языково-логических вывертов англо-американских семантиков совершенно очевиден. Всячески принося значение языка, они третируют прежде всего языки свободолубивых народов. Это им потребовалось для того, чтобы «доказать» превосходство английского языка над всеми другими языками мира, превосходство англо-саксонской расы над другими расами, для того чтобы разрушить национальные языки, навязать английский язык, англо-американский «образ жизни» другим народам.

Таким образом американско-английская реакционная семантическая философия, проповедуя необходимость реформы языка, освобождения слов от их истинного содержания, тем самым создает «теоретическую» базу для субъективно-идеалистического толкования явлений, событий, происходящих в природе и обществе, создает «философскую» базу для субъективно-идеалистического толкования и оправдания захватнической империалистической политики американско-английских империалистов.

В своем гениальном труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин разгромил лженаучные теории о языке, отстоял и дальше развил марксистско-ленинскую науку о языкознании, вооружил коммунистические партии, все прогрессивное человечество учением о языке, являющемся сильным оружием в познании и преобразовании мира.

Классики марксизма-ленинизма о практике как основе познания

Величайшая всемирно-историческая заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они впервые в истории общественной мысли вскрыли решающую роль общественно-исторической практики в процессе познания человеком объективной действительности. Маркс и Энгельс, а вслед за ними Ленин и Сталин всесторонне разработали учение об общественной практике, являющейся важнейшей основой достижения истины, т. е. обнаружения подлинной сущности предметов и явлений материального мира.

Классики марксизма-ленинизма впервые установили, что наши ощущения, восприятия, представления, а также вся мыслительная деятельность людей неразрывно связаны с практической их деятельностью, с опытом, что источником и основой

¹ «Литературная газета» от 21 июня 1952 года.

эмпирического и рационального моментов всех наших знаний в конечном счете является общественно-историческая, прежде всего производственная практика людей.

«Мы видим, — говорил Маркс, — что решение теоретических противоположностей возможно *только практическим* путем, только благодаря практической энергии человека, и что поэтому решение их отнюдь не является задачей только познания, а *действительно* жизненной задачей, которой философия не могла решить именно потому, что она видела в ней *только* теоретическую задачу»¹.

Диалектический материализм исходит из того, что общественно-производственная деятельность играет наиболее важную, определяющую роль в познании. Именно в процессе материальной производственной практики человек познает предметы и явления объективной действительности, ее закономерности, познает отношение человека к природе и людей друг к другу.

Положение Энгельса о том, что труд создал самого человека, целиком относится и к формированию его познавательных способностей. Человек выделился из мира других животных с того момента, как он стал **производить** средства существования, **создавать** орудия производства. В отличие от животных человек воспринимает мир не только в процессе биологического приспособления к нему, а главным образом в процессе активного практического воздействия на него. Энгельс указывал, что человеческое мышление развивалось пропорционально тому, как человек учился изменять природу. Эта активная производственная деятельность древнего человека, его борьба с силами природы определили форму его мышления и явились первыми решающими моментами, способствовавшими познанию окружающей его действительности.

Человек был бы не в состоянии активно воздействовать на природу, подчинять ее силы своим интересам, если бы он не умел познавать свойства вещей и закономерности развития объективного мира. Поэтому производство материальных благ является важнейшим фактором развития познавательных способностей человека. Расширяя и совершенствуя процесс производства, вовлекая в него все более и более широкий круг предметов, человек неизбежно совершенствует и свое сознание, а развивающееся сознание в свою очередь благотворно влияет на развитие производственного процесса. Энгельс писал, что, коренным образом изменяя окружающую действительность в процессе материального производства, люди вместе с тем изменяют также свое мышление. Но «развитие мозга и подчиненных ему чувств, все более и более проясняющегося сознания, способности к абстракции и к умозаключению оказывало обратное воздействие на труд и на язык, давая обоим все новые и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 628.

новые толчки к дальнейшему развитию»¹. Только в процессе многократного повторения операций материального производства на протяжении столетий человек приобретает определенные трудовые навыки, закрепляет их в сознании в виде более или менее устойчивых представлений и понятий о вещах и явлениях объективного мира, приобретает и развивает способность правильно отражать закономерные связи и отношения объективного мира. Все развитие познавательных способностей человека теснейшим образом связано с развитием производства, с прогрессом практической деятельности людей, ибо благодаря общественно-революционной практике, направленной на изменение мира, человек вступает во всестороннее взаимодействие и всеобщую связь с вещами и явлениями объективного мира и не только переделывает их, ставит их на службу своим интересам, но в процессе взаимодействия с ними сам всесторонне изменяется и развивается.

Производственная деятельность людей служит основой и необходимой предпосылкой для появления новых идей, теорий, новых понятий и представлений. Суждения о вещах и явлениях появляются в процессе труда, в процессе общественного производства.

«Чтобы понять,— учит В. И. Ленин,— нужно эмпирически начать понимание, изучение, от эмпирии подниматься к общему. Чтобы научиться плавать, надо лезть в воду»².

Закономерности явлений, качества и внутренние, скрытые свойства вещей объективного мира, их связи и отношения полнее и глубже могут быть познаны и проверены именно в процессе трудовой производственной деятельности людей, в процессе постоянного активного воздействия человека на объективную действительность.

Однако практика не ограничивается только производственной деятельностью, а включает в себя также всю многообразную и разностороннюю деятельность людей. Она включает в себя развивающуюся научно-экспериментальную, общественно-революционную, социально-бытовую, культурно-воспитательную и другую деятельность людей. Она может выступать в виде естественно-научного эксперимента, наблюдения, научных и технических открытий, в виде классовой борьбы, революции, войн и т. п. Это и позволяет общественно-исторической практике стать основой всех естественных и общественных наук.

История показывает, что великие научные открытия, как и научное познание вообще, становятся возможными и вырастают именно из непрерывно развивающейся человеческой практики, определяются жизненными, практическими потребностями лю-

¹ Фридрих Энгельс. Диалектика природы, стр. 136.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 178.

дей. Так, возникновение и развитие математики было первоначально вызвано потребностями измерения площадей, углов, объемов; развитие мореплавания породило науку астрономию; общественные науки были порождены стремлением людей перестроить жизнь общества; агробиология появилась в результате потребностей людей в повышении продуктивности сельского хозяйства и т. д.

Являясь основой и причиной появления новых наук, новых отраслей знания, практические общественно-производственные потребности общества вызывают также развитие, углубление и совершенствование имеющихся знаний.

Подавляющее большинство научных открытий было сделано после того, как соответствующим образом развилась общественная практика человека, после того, как жизнь потребовала того или иного открытия. В письме к Штаркенбургу Энгельс писал: «Если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния и потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»¹.

Когда Галилей создавал теорию падения и движения тел, то он это делал не для того, чтобы только сформулировать законы падения тел, колебания маятников и движения металлических снарядов, т. е. не из чисто академических соображений. Потребность обнаруживать эти законы появилась в процессе развития производства, в частности развития горного дела и артиллерии.

Изобретение паровой машины Ползуновым, изобретение радио Поповым и другие великие открытия также диктовались нуждами общественного производства, нуждами человеческой практики.

Значит, научные теории, необходимость решить определенные проблемы возникают в связи с потребностями практики, производства. Поэтому наука, если она является действительно наукой, имеет дело с объективно существующим материальным миром, раскрывающимся перед людьми в процессе их общественно-исторической деятельности. Основной целью науки является подчинение сил природы интересам людей, революционное преобразование действительности. Но это можно достичь только на основе знания законов развития объективного мира и прежде всего материальной основы жизни общества.

Убедительно доказывая, что подлинная наука возникает из насущных практических потребностей материального производства, что общественная практика направляет научную мысль и часто даже опережает науку, К. А. Тимирязев писал, что «простые земледельцы, в том числе и наши московские крестьяне,

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 484.

как свидетельствуют судебные хроники, в одном сложном вопросе опередили науку. Непосредственным наблюдением они самостоятельно и задолго до науки открыли факт перехода ржавчины с барбариса на злаки,— факт вместе с другими, подобными ему, положивший основание учению о полиморфизме микроскопических грибов, которым так справедливо гордилась наука пятидесятих и шестидесятих годов»¹.

В нашей стране практические задачи развития социалистического земледелия явились огромным стимулом для разработки теоретических вопросов мичуринской биологии (проблема вида, вопрос внутривидовых и межвидовых отношений особей и т. д.). Это в свою очередь дало возможность по-новому решить такие практические задачи, как выведение новых сортов злаков, плодов, новых видов животных, борьба с сорняками, повышение урожайности, быстрое насаждение лесных полос в степных районах и т. п. «Тесная связь науки с колхозно-совхозной практикой,— говорит академик Лысенко,— создает неиссякаемые возможности развития самой теории для все лучшего и лучшего познания природы живых тел и почвы».

Все это в полной мере относится не только ко всем частным наукам, но также и к философии. Отвергая взгляд о том, что движущей силой в развитии философии является стремление людей к достижению так называемого «чистого мышления», Энгельс писал:

«Однако в продолжение этого длинного периода, от Декарта до Гегеля и от Гоббса до Фейербаха, философов толкала вперед вовсе не одна только сила чистого мышления, как это они воображали. Напротив. В действительности их толкало вперед главным образом мощное, все более быстрое и все более бурное развитие естествознания и промышленности»².

Значит, знания возникают из общественно-производственной практики людей, а рост знаний, в свою очередь, содействует росту и совершенствованию общественной практики.

Огромное значение практики, как исходного отправного момента и основы познания можно особенно ярко видеть на примерах из общественной жизни.

Научная теория нового коммунистического общества, созданная Марксом и Энгельсом, явилась результатом глубочайшего научного анализа истории развития человеческого общества, критической переработки всех предшествующих знаний, обобщением гигантского опыта мирового революционного движения и прежде всего практики революционной борьбы пролетариата. Без этого обобщения и открытия на его основе действительных законов общественного развития Маркс и Энгельс не могли бы вооружить международный пролетариат новой,

¹ К. А. Тимирязев. Соч., т. V, стр. 66. Сельхозгиз. 1938.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 352.

подлинно научной теорией, сделать гениальное предвидение о наступлении новой эпохи в развитии человеческого общества — эпохи коммунизма.

В новую историческую эпоху, эпоху империализма и пролетарских революций, В. И. Ленин и И. В. Сталин, изучив и обобщив практику революционной борьбы трудящихся всех стран, новейший опыт общественного развития, проанализировав сущность экономики империализма, дальше развили все стороны учения Маркса, Энгельса, вооружили международный пролетариат непобедимым боевым идеологическим оружием в его борьбе против капитала, за торжество социализма.

В. И. Ленин открыл закон неравномерности развития капитализма и создал на его основе теорию о возможности победы социализма в одной стране именно потому, что он глубоко вскрыл и проанализировал все противоречия империализма — последней, загнивающей стадии развития капитализма, когда особенно усиливается капиталистический гнет, когда с особой силой нарастает возмущение масс против капитализма и происходит быстрый рост революционных сил внутри капиталистических стран. В. И. Ленин показал, далее, что неравномерность развития капитализма в условиях империализма ведет к обострению революционного кризиса в колониальных и зависимых странах, порождает обострение борьбы за рынки сбыта товаров и вывоза капитала, за колонии, за источники сырья.

Вследствие неравномерности развития капитализма происходят империалистические войны, которые ослабляют силы империализма и делают возможным прорыв фронта империализма там, где он окажется всего слабее. «На основании всего этого Ленин пришел к выводу, что вполне возможен прорыв империалистического фронта пролетариатом где-либо в одном месте или нескольких местах, что *возможна* победа социализма первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой, стране, что одновременная победа социализма во всех странах ввиду неравномерности развития капитализма в этих странах — *невозможна*...»¹ Глубокий анализ способа производства современного капитализма, опыта революционной борьбы международного пролетариата в период империализма был главной основой, приведшей Ленина к этому гениальному открытию.

В известной статье «Ленин, как организатор и вождь РКП» товарищ Сталин писал, что подлинные марксисты-ленинцы черпают директивы и указания не из исторических аналогий и параллелей, а из изучения окружающих условий. В своей деятельности опираются они не на цитаты и изречения, а на практический опыт².

Развивая дальше ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране, обобщая практику созидания но-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 162.

² См. И. Сталин. О Ленине, стр. 6. Госполитиздат. 1951.

вого способа производства, И. В. Сталин разработал учение о конкретных путях построения социализма в СССР.

Успешная реализация советским народом под руководством Коммунистической партии ленинско-сталинского плана построения социализма в нашей стране является наглядным доказательством жизнеспособности и силы марксистско-ленинской науки.

Открыв основной закон социализма, обобщив опыт социалистического строительства в нашей стране, И. В. Сталин в своем гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР» начертал пути построения коммунизма в Советском Союзе, обогатив тем самым марксизм-ленинизм новыми положениями, обобщениями, выводами, подняв его на новую, еще более высокую ступень.

Вся многогранная, разносторонняя деятельность товарища Сталина является блестящим образцом того, как надо изучать и обобщать новейшие достижения науки и революционной практики, как надо использовать их в своей повседневной практической деятельности.

«И. В. Сталин умеет как никто обобщать революционный, творческий опыт масс, подхватывать и развивать их инициативу, учиться у масс и учить массы, вести их вперед к победе»¹.

Блестящим примером творческого изучения и научного обобщения новейшей практики является труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Именно благодаря изучению и обобщению практической деятельности трудящихся СССР и стран народной демократии по переустройству общественной жизни, практики мирового революционного движения, товарищ Сталин в этом труде продвинул далеко вперед марксистско-ленинскую политическую экономию, творчески развил важнейшие вопросы диалектического и исторического материализма, обогатил марксизм-ленинизм новыми открытиями и выводами об основных предварительных условиях перехода от социализма к коммунизму, о диалектике развития производительных сил и производственных отношений, о ликвидации существенных различий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом, об объективном характере законов науки, а также много других вопросов диалектического и исторического материализма.

Все это говорит о том, что общественная практика во всем ее объеме играет исключительную роль в деле достижения истины. Она пронизывает собою весь процесс познания, составляя его подлинную основу.

Вместе с тем гигантские практические мероприятия по прогрессивному переустройству природы и человеческого общества, проводимые советскими людьми на основе открытых зако-

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 238.

нов науки, являются смертельным ударом по агностицизму. Они показывают, что человек не только способен познать объективные законы действительности, но и использовать их для изменения природных условий, для революционного преобразования общественной жизни.

Лекция вторая

Объективный характер истины

Вопрос о существовании объективной истины теснейшим образом связан с решением основного вопроса философии — об отношении мышления к бытию и всегда занимал центральное место в многовековой борьбе материализма с идеализмом в области теории познания. Именно вопрос о существовании объективной истины был тем водоразделом в теории познания, который делил философов на два лагеря — на лагерь материализма и лагерь идеализма.

Исходя из признания первичности духа, сознания, идеалисты всех разновидностей рассматривают мир либо как воплощение «абсолютной идеи», «мирового духа», сознания (объективный идеализм), либо считают мир порождением сознания отдельных людей (субъективный идеализм). Для идеалистов реально существует только сознание, а материальный мир, бытие, природа существует лишь в наших ощущениях, представлениях, понятиях. Воспринимаем мы, с точки зрения идеалистов, не реально существующие предметы, а всего лишь наши ощущения этих предметов. Так думали субъективные идеалисты типа Беркли, Маха и Авенариуса, для которых весь мир есть комплекс ощущений. Так думал Кант, который уверял, что люди могут познавать только свои собственные субъективные представления, а подлинная сущность предметов («вещь в себе») принципиально непознаваема. Так думают современные неокантианцы, неопозитивисты, семантики, прагматисты, персоналисты и т. п., которые либо открыто отрицают существование объективного мира, а значит и объективной закономерности, либо уверяют, что мы можем познавать вещи только в таком виде, в каком они нам кажутся, а вещей самих по себе якобы познать нельзя.

В противоположность этому марксистский философский материализм исходит из того, что все наши восприятия, представления, понятия, все наши знания суть образы предметов и явлений внешнего мира, что объективный мир, материя, природа есть единственный источник ощущений, сознания, мышления, а потому не сознание человека, не его мыслительная деятельность породили внешний мир, как уверяют идеалисты, а наоборот, наше сознание, мышление — суть отражение предме-

тов и явлений материального мира. Само мышление является продуктом, свойством высокоорганизованной материи — мозга.

Только внешний, объективный мир способен вызвать в нас ощущения, представления, понятия. Никакое познание невозможно без воздействия предметов материального мира на наше сознание. «...Наши представления, наше «я», — писал И. В. Сталин, — существует лишь постольку, поскольку существуют внешние условия, вызывающие впечатления в нашем «я». Тот, кто необдуманно говорит, что не существует ничего, кроме наших представлений, вынужден отрицать какие бы то ни было внешние условия и, стало быть, отрицать существование остальных людей, допуская существование лишь своего «я», что абсурдно и в корне противоречит основам науки»¹.

Только благодаря воздействию реальных предметов и явлений на органы чувств в нашей голове могут возникнуть их образы в виде ощущений, представлений и т. д. В основе теории познания диалектического материализма, учит Ленин, лежит признание внешнего мира и его отражения в человеческой голове.

Но если материальный мир существует объективно, т. е. вне нас и независимо от нас, то и его верное отражение в сознании человека, т. е. наши истинные знания о предметах и явлениях реального мира, являются также объективными. Разоблачая агностицизм и субъективизм махистов, В. И. Ленин доказал, что человеческие представления безусловно имеют в себе «такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества...»². Такие знания людей о внешнем мире диалектический материализм называет объективной истиной.

Возьмем для примера закон всемирного тяготения. Этот закон действует в природе не потому, что его открыл Ньютон, и не с тех пор, как его открыли. Всякий закон природы или общества существует и действует независимо от того, знают о нем люди или нет. Было время, когда люди считали, что солнце вращается вокруг земли, что земля имеет форму плоского диска и т. п. Однако от этого земля не переставала вращаться вокруг солнца и иметь приблизительно шарообразную форму.

Но для того, чтобы человек мог учитывать в своей практической деятельности законы природы, использовать их в интересах людей, он должен открыть эти законы, сформулировать их, т. е. отразить в своем сознании наличие этих законов в природе. Правильное отражение в сознании человека объективно существующих предметов, явлений, их связей, закономерностей и есть объективная истина.

Ярким примером объективной истины и использования ее в интересах людей является марксистское учение о законах развития человеческого общества. Опираясь на эти объективно-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 318—319.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 110.

истинные законы, Маркс и Энгельс не только научно доказали неизбежность наступления эпохи коммунизма, но и гениально начертали основные контуры этого нового общественного строя.

Практика строительства социализма и коммунизма в нашей стране, а также социалистического строительства в странах народной демократии блестяще подтвердила объективный характер этого учения, истинность его коренных положений.

Таким образом, диалектический материализм считает объективной такую истину, которая является верным отражением явлений, предметов, процессов материального мира. А это значит, что всякое истинное положение, всякая подлинно научная теория по своему характеру является объективной истиной.

«Считать наши ощущения образами внешнего мира,— учит Ленин,— признавать объективную истину— стоять на точке зрения материалистической теории познания,— это одно и то же»¹.

Признание диалектическим материализмом объективного характера всех подлинно научных знаний всегда вызывало нападки и бессильную злобу буржуазных философов-идеалистов. Выражая интересы реакционной империалистической буржуазии, они стремятся исказить объективную истину, чтобы скрыть от народа объективный ход развития истории, замаскировать подлинные законы ее развития, объявить непознаваемыми явления природы и общественной жизни. В этих целях они искажают само понятие объективности. Для них объективно все, что служит интересам хищнического американского империализма, что полезно бизнесменам Уолл-стрита, что обеспечивает «практический успех». «Если религиозные идеи,— с циничной откровенностью заявляет один из лидеров современного американско-английского прагматизма В. Джемс,— выполняют эти условия, если, в частности, окажется, что понятие о боге удовлетворяет им, то на каком основании прагматизм будет отрицать бытие божие? Для него это будет просто бессмыслицей, если признавать «неистинным» понятие, столь плодотворное в прагматическом отношении». Другой представитель современной реакционной буржуазной философии, Д. Дьюи, отрицает объективный характер истины на том основании, что окружающий нас мир якобы не существует сам по себе, а создается, творится человеческим сознанием. Подобными антинаучными «откровениями» начинена вся современная буржуазная идеалистическая философия.

Следует отметить, что некоторые наши товарищи вместо того, чтобы вести самую беспощадную борьбу против идеалистического отрицания объективного характера истин, нередко сами попадают в плен этой антинаучной теории. Ошибки по-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 117.

добного рода были разоблачены товарищем Сталиным в его гениальном труде «Экономические проблемы социализма в СССР».

Раскрывая характер и действие экономических законов, товарищ Сталин в этом труде показал субъективно-идеалистическую сущность отрицания некоторыми нашими экономистами и философами объективного характера законов науки, законов политической экономии при социализме. Ослепленные гигантскими успехами Советского Союза в деле преобразования природы и человеческого общества, в деле успешного строительства коммунистического общества в нашей стране, эти товарищи решили, что ввиду особой исторической роли Советского государства, его руководители могут отменить существующие законы политической экономии, могут «сформировать», «создать» новые законы. Так, например, тт. Санина и Венжер утверждали, что экономические законы социализма возникают только благодаря сознательному действию советских людей.

Товарищ Сталин убедительно доказал, что подобные утверждения не имеют ничего общего с марксизмом и ведут в болото антинаучного идеалистического мировоззрения.

Отстаивая и развивая марксистско-ленинское учение об объективности истины, в частности об объективном характере законов науки, И. В. Сталин пишет:

«Марксизм понимает законы науки,— всё равно идёт ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии,— как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их. Тем более они не могут сформировать или создавать новые законы науки»¹.

Но объективный характер законов науки, учит И. В. Сталин, отражение ими процессов, происходящих независимо от воли и желания людей, вовсе не означает, что люди бессильны предотвратить результаты действий законов природы, результаты действий сил природы. Разрушительные действия сил природы не везде и не всегда происходят со стихийно-неумолимой силой, не поддающейся воздействию людей. «Если исключить,— указывает И. В. Сталин,— астрономические, геологические и некоторые другие аналогичные процессы, где люди, если они даже познали законы их развития, действительно бессильны воздействовать на них, то во многих других случаях люди далеко не бессильны в смысле возможности их воздействия на процессы природы. Во всех таких случаях люди, познав законы при-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4. Госполитиздат, 1952.

роды, учитывая их и опираясь на них, умело применяя и используя их, могут ограничить сферу их действия, дать разрушительным силам природы другое направление, обратить разрушительные силы природы на пользу общества»¹.

Для иллюстрации этого положения И. В. Сталин приводит пример с разливом рек. В древнее время, когда люди не умели строить плотины и гидростанции, разлив рек причинял большие неприятности людям. Будучи бессильны бороться с наводнениями, люди теряли жилища, посевы и т. п. Но с развитием науки и человеческой практики люди не только получили возможность отвратить от общества бедствия наводнений, казавшиеся ранее неотвратимыми, но «научились обуздывать разрушительные силы природы, так сказать оседлать их, обратить силу воды на пользу общества и использовать её для орошения полей, для получения энергии»². Недаром еще Ленин указывал, что «законы внешнего мира, природы... суть основы целесообразной деятельности человека»³.

Правда, и в настоящее время в странах империализма людям иногда приходится переживать подобные стихийные бедствия. Так, например, совсем недавно в районе Северного моря разразился шторм, вызвавший наводнение в Голландии и Англии. В результате наводнения погибли или пропали без вести тысячи людей, более миллиона человек осталось без крова; причинен огромный материальный убыток. Однако подобные разрушительные последствия стихийных сил имеют место в капиталистических странах не потому, что люди бессильны бороться со стихией, а в значительной мере потому, что реакционные правители этих стран заботятся не о судьбе своих народов, а о подготовке к новой грабительской войне.

Вся история развития человеческого общества показывает, что люди способны «обуздать» природу, способны предотвратить разрушительные действия некоторых законов природы, но не путем нарушения, изменения или уничтожения законов природы, а, наоборот, на точном основании знания законов природы, законов науки.

Это относится не только к законам природы, но в равной мере и к законам общественного развития, в частности к экономическим законам, которые также являются объективными законами, ибо отражают экономические процессы, совершающиеся независимо от воли людей. Задача науки состоит не в том, чтобы уничтожить законы природы или общества и заменить их другими законами по произволу людей. Этого сделать невозможно, ибо «это привело бы к тому, — указывает И. В. Сталин, — что мы попали бы в царство хаоса и случайностей, мы очутились бы в рабской зависимости от этих слу-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

³ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 161.

чайностей, мы лишили бы себя возможности не то, что понять, а просто разобраться в этом хаосе случайностей»¹.

Задача науки состоит в том, чтобы познавать, открывать объективные законы и использовать их в интересах революционного преобразования действительности.

Об абсолютной и относительной истине

Разоблачая фальсификатора марксизма махиста Богданова, который клеветнически утверждал, что «марксизм заключает в себе отрицание безусловной объективности какой бы то ни было истины, отрицание всяких вечных истин», В. И. Ленин писал:

«Тут смешаны явно два вопроса: 1) существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно? Этот второй вопрос есть вопрос о соотношении истины абсолютной и относительной»².

Идеалисты отрицательно отвечают на первый вопрос. Они категорически отвергают объективный характер какой бы то ни было истины, но, отрицая объективную истину, они неизбежно приходят к отрицанию и абсолютной истины.

Что же такое абсолютная истина?

Абсолютная истина — это такая истина, которая полно, исчерпывающе, вполне адекватно отражает в сознании человека то или иное явление, предмет, ту или иную закономерность объективно существующего материального мира и в силу этого никогда не может быть опровергнутой.

Диалектический материализм учит, что познание абсолютной истины есть бесконечный процесс, что, познавая предметы, явления, закономерности объективного мира, человек не может постичь абсолютную истину сразу, целиком, безусловно, окончательно, а раскрывает ее, овладевает ею постепенно, приблизительно, относительно.

Признавая объективную истину как в основном правильное отражение явлений материального мира в сознании людей, диалектический материализм отнюдь не считает ее законченной, неизменной, застывшей истиной. Но являясь объективными, подлинно научные знания всегда содержат в себе в большей или меньшей степени крупинцы, зерна, частицы абсолютной истины, ибо познание представляет собой исторический про-

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 85.

² В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 110.

цесс, в результате которого наши знания о предмете все более и более точно отражают содержание этого предмета. В подлинной истине всегда содержатся такие стороны, моменты, которые не зависят ни от человека, ни от человечества.

Поэтому знания людей состоят главным образом из **относительных истин**, т. е. таких положений, теорий, понятий, которые в основном верно отражают явления объективной действительности, но в процессе развития науки и общественной практики непрерывно уточняются, конкретизируются, углубляются и вследствие этого составляют момент, сторону, ступень на пути к овладению абсолютной истиной.

«Человек,— указывает В. И. Ленин,— не может охватить = отразить = отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому, создавая абстракции, понятия, законы, научную картину мира и т. д. и т. п.»¹.

Вся история развития научных знаний от древних времен до наших дней неопровержимо доказывает это важнейшее положение диалектического материализма. История развития любой отрасли науки свидетельствует о том, что в процессе общественно-трудовой и прежде всего производственной деятельности люди идут от незнания к знанию, от заблуждения к истине, от неполных знаний к более полным знаниям.

Возьмем для примера учение об атомистическом строении мира. Известно, каким огромным изменениям, исправлениям и дополнениям подверглось это учение в течение тысячелетий, начиная от древнегреческого философа-материалиста Демокрита и до наших дней. Демокрит, как и его последователи, считал, что все предметы состоят из атомов — неделимых материальных частиц. Все атомы, по Демокриту, качественно одинаковы и различаются только формой, порядком расположения и положением в пространстве. Атомистическая теория Демокрита содержала в себе частицу абсолютной истины, заключающуюся в самой идее об атомистическом строении мира. Но в этой теории было много наивного, неправильного, ошибочного (например, неделимость атома, его неизменяемость, неразрушимость, качественная однородность атомов и т. п.).

С развитием науки и научных знаний эта теория непрерывно развивалась и совершенствовалась. Учеными было доказано, что атом представляет собой сложную систему, состоящую из электронов и ядра, которое в свою очередь состоит из протонов. Далее было установлено, что кроме названных частиц в состав атома входят и такие элементарнейшие частицы, как нейтрон, позитрон, мезотрон и другие. В настоящее время выдвинута гипотеза о существовании внутри атома новой элементарной частицы — нейтрино. Нет сомнения в том, что в

¹ В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 157.

процессе более глубокого познания закономерностей объективного мира наши знания об атоме будут подвергаться дальнейшим изменениям и уточнениям, а вместе с тем будут неизбежно меняться и наши представления об атоме.

И так происходит в любой науке, в любой отрасли знания.

Марксистско-ленинская наука также непрерывно развивается, дополняется, обогащается. Маркс и Энгельс создали общие принципы этой науки, открыли наиболее общие законы развития природы, человеческого общества и мышления. Ленин и Сталин в новых исторических условиях творчески развили марксизм, обогатили его новыми открытиями и выводами, конкретизировали и углубили его важнейшие положения, заменили устарелые формулы марксизма новыми формулами, соответствующими новым историческим условиям.

Всякая наука содержит в себе теории и положения, отражающие стороны, моменты, закономерности объективной действительности, причем отражают их не сразу, не целиком, не абсолютно, а постепенно, частично, относительно. С развитием же науки и общественной практики моменты относительности в наших знаниях все более и более уменьшаются, никогда, однако, не исчезая полностью, а зерна абсолютной истины в них непрерывно увеличиваются. Каждое новое научное открытие, каждый момент уточнения и исправления наших знаний представляет собой ступеньку, этап, шаг на пути к более полному познанию закономерностей развития материального мира, на пути к познанию абсолютной истины.

«В теории познания,— учит В. И. Ленин,— как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше познание, а разбирать, каким образом из *незнания* является *знание*, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»¹.

Марксистское положение о бесконечном процессе познания, о приближении человека к достижению абсолютной истины не только коренным образом отличается от лженаучного реакционного утверждения идеалистов о непознаваемости мира, но прямо противоположно ему. Если агностицизм, который в той или иной форме разделяют все идеалисты, утверждает, что окружающие нас предметы и явления **принципиально** непознаваемы, что человек **бессилен** **когда бы то ни было** проникнуть в тайны закономерностей развития природы и тем более человеческого общества, то диалектический материализм исходит из того, что мир по своей природе познаваем, что в мире не существует таких предметов и явлений, которых бы человек не мог познать. Непознаваемых предметов и явлений нет, а есть только такие предметы и явления, которые еще не познаны,

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 91.

но в свое время они обязательно будут раскрыты и познаны силами развивающейся науки и общественной практики.

Таким образом, получается противоречие: с одной стороны, мир познаваем, не существует предметов и явлений, принципиально непознаваемых, а с другой — мир нельзя познать до конца, абсолютно. Но это не логическое противоречие, возникающее в результате того, что человек мыслит непоследовательно, вопреки элементарным законам и формам мышления, а противоречие диалектическое, присущее самой действительности.

Отвечая на вопрос: суверенно ли человеческое мышление, т. е. способно ли оно познать мир до конца, Энгельс дает исчерпывающее разъяснение о том, как разрешается указанное противоречие. «Это противоречие, — указывает Энгельс, — может быть разрешено только в бесконечном поступательном движении, в таком ряде последовательных человеческих поколений, который, для нас по крайней мере, на практике бесконечен. В этом смысле человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познания столь же неограниченна, как ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности»¹.

Следовательно, указанное противоречие разрешается только в результате познания объективного мира многими миллиардами прошедших, настоящих и будущих поколений людей, т. е. практически процесс познания будет совершаться бесконечно. В настоящее время человечество прошло довольно долгий путь своего развития, но, как указывал Энгельс, «мы, по всей вероятности, стоим еще, примерно, в самом начале человеческой истории, и поколения, которым придется поправлять нас, будут, надо полагать, гораздо многочисленнее тех поколений, познание которых мы готовы поправлять теперь, относясь к ним сплошь и рядом свысока»².

Мир материальный неисчерпаем, он бесконечен как в пространстве, так и во времени, он непрерывно развивается, изменяется. В этом вечном, бесконечном развитии материального мира происходит непрекращающийся процесс отмирания старого и рождения нового, исчезновения отживших явлений и появления вновь нарождающихся. Но так как процесс появления нового, нарождающегося есть бесконечный процесс, то и познание этих новых сторон материального мира есть также процесс бесконечный.

Человечество практически не может исчерпать абсолютной

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 81—82.

² Там же, стр. 81.

истины, а его знания состоят главным образом из истин относительных, исторически преходящих, содержащих в себе лишь зерна, стороны, моменты абсолютной истины.

«Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны, — учит В. И. Ленин, — они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...»¹.

Это, однако, не значит, что абсолютная истина представляет собой какой-то недостижимый идеал, к которому человек может только стремиться, но никогда его не достигнет. Диалектический материализм отвергает такой агностический подход к вопросу об абсолютной истине и считает, что абсолютная истина постигается нами постоянно. Своей стороной, частицей она входит в каждое подлинно научное положение, в каждую научно обоснованную теорию. Но наши знания содержат в себе и моменты относительности, ибо противоречивость процесса познания состоит именно в том, что человеческие представления, понятия, теории представляют собой диалектическое единство абсолютного и относительного, объективного и субъективного.

«Итак, — указывает В. И. Ленин, — человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания»².

Но наше движение к абсолютной истине совершается не только путем увеличения зерен, моментов, сторон абсолютной истины в истинах относительных. Существуют и такие истины, которые абсолютно точно отражают ту или иную сторону объективного мира, и потому не нуждаются в уточнении, исправлении или добавлении.

Нельзя, например, сомневаться в абсолютной истинности положения материалистической диалектики о том, что мир находится в вечном и бесконечном движении и развитии. Это положение является абсолютной истиной и не нуждается в изменении и исправлении. Но когда мы это общее абсолютно истинное положение начинаем конкретизировать, когда мы рассматриваем вопрос о способах, формах, видах движения материи, мы сразу попадаем в область относительных истин, ибо конкретные формы и виды движения определенного вида мате-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 249.

² Там же, стр. 122.

рии нельзя рассматривать абстрактно. Материя может принимать самые различные формы и виды движения в зависимости от конкретно-исторических условий. Одна форма или вид движения материи заменяется в соответствующих условиях другой формой или видом ее движения; в определенных условиях появляются новые виды движения материи, которые человечество изучает, познает.

Соотношение между абсолютной и относительной истиной было гениально выражено В. И. Лениным:

«С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма,— писал В. И. Ленин,— исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа»¹.

Существо марксистско-ленинского учения о соотношении абсолютной и относительной истины как раз и состоит в том, что оно рассматривает относительную истину как момент, часть, этап, ступень познания абсолютной истины. Поэтому всякая подлинно научная истина представляет собой в одно и то же время и абсолютную истину, поскольку она в основном правильно отражает определенную сторону объективного мира, и относительную истину, поскольку она отражает эту сторону объективной действительности частично, неполно, приблизительно.

Отмечая этот диалектический характер природы истины и полемизируя с врагами марксизма, В. И. Ленин писал:

«Вы скажете: это различие относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечаю вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, законченное, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта»².

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 123.

² Там же.

Признание диалектическим материализмом относительного характера наших знаний не имеет ничего общего с идеалистическим релятивизмом. Реакционная сущность релятивизма состоит не в том, что он признает относительный характер всех наших знаний, а в том, что он не признает объективный характер научных знаний, подрывает веру в познавательные способности человеческого мышления, приводит к отрицанию возможности познания окружающего нас мира и таким образом смыкается с агностицизмом.

Не зная и не желая знать диалектики, релятивисты отрывают, преувеличивают, абсолютизируют одну из сторон познания — относительный характер наших знаний. Если наши знания о явлениях природы с течением времени меняются, рассуждают релятивисты, если даже в одно и то же время об одном и том же предмете, явлении разные люди говорят по-разному, причем в рассуждениях тех и других имеется доля правды, то не лучше ли «воздержаться от суждений», не лучше ли признать все наши знания о природе текучими, непостоянными, не содержащими в себе даже элементов абсолютной, объективной истины. А раз так, то мы никогда не достигнем подлинных знаний, и нам остается признать, что настоящая сущность вещей непознаваема. Так релятивисты приходят к агностицизму, к идеализму. Поэтому В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» писал, что «*принцип релятивизма, относительности нашего знания... при незнании диалектики — неминуемо ведет к идеализму*»¹.

Классики марксизма-ленинизма придавали огромное значение борьбе против релятивизма. Они доказали, что релятивисты по существу ничем не отличаются от субъективных идеалистов, отвергающих все, что находится за пределами субъективных ощущений и переживаний и считающих, что все окружающие нас явления есть не что иное, как свободное и произвольное творение человеческого сознания.

Но отрицание диалектическим материализмом идеалистического релятивизма, разумеется, не означает отрицания вообще относительной, релятивной истины. В. И. Ленин решительно подчеркивает, что «материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине»².

Глубокая, всесторонняя критика Лениным и Сталиным идеалистического релятивизма в познании имеет неоценимое значение и в наши дни для разоблачения современной американско-английской буржуазной реакционной философии.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 295.

² Там же, стр. 124.

Известно, что самой характерной чертой всех современных «измов» реакционной буржуазной философии является агностицизм, главным образом, релятивистского толка. На релятивистском агностицизме построено, например, одно из наиболее модных течений в современной американско-английской идеалистической философии, называемое позитивизмом. Это течение восприняло и объединило в себе все наиболее реакционное, наиболее антинаучное из идеалистических агностических систем прошлого, расклассифицировав их по особым группам и наградив их «самоновейшими» названиями вроде «логического анализа», «логического эмпиризма», «семантики», «прагматизма», «физикализма» и других не менее мудреных «измов». Все они преследуют одну и ту же цель: подорвать веру людей в способность человеческого мышления познать мир и переделать его, доказать, что наука бессильна, указать путь к созданию счастливого человеческого общества. Каждая прогрессивная теория, каждое научное положение объявляется современными американско-английскими философскими мракобесами «псевдосуждением», «псевдопонятием», которые имеют чисто субъективное, условное, релятивное значение и якобы совершенно лишены объективности.

Классово-политический смысл всей этой псевдофилософской тарабарщины был блестяще вскрыт В. И. Лениным сорок пять лет тому назад. В своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин писал, что «за гносеологической схоластикой эмпириокритицизма нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества»¹. Этот ленинский вывод целиком распространяется на все разновидности современного идеализма.

* * *

Марксистско-ленинское учение о соотношении между абсолютной и относительной истиной своим острием направлено не только против идеалистического релятивизма, но также и против другой крайности в оценке истины — против догматиков, талмудистов и начетчиков, считающих, что все наши знания состоят из абстрактных, вечных и неизменных истин.

Догматизм в познании означает слепую веру в старые отжившие теории, нежелание и неумение видоизменять и совершенствовать наши знания, приводить их в соответствие с новыми, непрерывно развивающимися условиями.

Догматики и талмудисты пытаются втиснуть новые явления в старые привычные положения и формулы, которые перестали соответствовать новым условиям. Они считают, что каждую мысль мы должны признать либо истинной на все

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 343.

времена и для всех случаев жизни, либо ложной. Для них не существует истин, справедливых в одних условиях и несправедливых в других условиях, поэтому в своих рассуждениях они оперируют, главным образом, голыми абстракциями и пустыми, бессодержательными аналогиями. Вместо конкретно исторического анализа фактов действительности они искусственно подгоняют явления природы и общественной жизни под общие, шаблонные, «универсальные» истины.

Классики марксизма-ленинизма решительно отвергают подобный взгляд на истину, как на собрание законченных догматических положений, которые остается только зазубрить и применять ко всем случаям жизни. «...Истина теперь заключалась в самом процессе познания,— писал Энгельс,— в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложив руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину»¹.

Теория познания диалектического материализма исходит из того, что абстрактных истин не существует, истина всегда конкретна, а конкретность истины предполагает всестороннее отражение мира в мышлении, глубокое изучение всех сторон данного предмета или явления с учетом обстановки, места и времени.

*«Совокупность всех сторон явления, действительности,— учит В. И. Ленин,— и их (взаимно) отношения — вот из чего складывается истина»*².

Ни один предмет, ни одно явление нельзя рассматривать абстрактно, вне исторически сложившихся условий, места и времени, без учета его конкретно-исторического места в ряду других предметов, явлений. Сами условия, учит товарищ Сталин, непрерывно меняются, а потому всякое положение, истинное в данной совокупности связей предмета, явления, в данных условиях места и времени, может оказаться ложным и вредным в других условиях.

В трудах «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР», как и в других своих работах, товарищ Сталин вел самую беспощадную борьбу со всеми разновидностями догматизма, талмудизма и начетничества, которые особенно опасны в применении к марксистско-ленинской науке об обществе.

«Начётчики и талмудисты,— пишет товарищ Сталин,— рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксиз-

¹ К. Маркс. Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 343.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 169.

ма, как собрание догматов, которые «никогда» не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчёте, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времён и стран, для всех случаев жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания»¹.

На анализе ошибки А. Холопова и на других примерах товарищ Сталин показал, что марксистско-ленинская наука не догма, а руководство к действию, что нужно не талмудистски зазубривать марксистские выводы и формулы, а понимать их существо и творчески применять их к конкретным условиям, развивать и обогащать марксизм-ленинизм новыми достижениями науки и общественной практики.

Примеры талмудистского подхода со стороны некоторых советских экономистов, философов к отдельным формулам и выводам марксизма И. В. Сталин приводит и в труде «Экономические проблемы социализма в СССР». Так, например, рассматривая вопрос о товарном производстве при социализме, И. В. Сталин указывает, что некоторые товарищи, ссылаясь на положение Энгельса о том, что «раз общество возьмёт во владение средства производства, то будет устранено товарное производство, а вместе с тем и господство продуктов над производителями», решили, что партия должна была устранить товарное производство сразу же после того, как она взяла власть и национализировала средства производства в нашей стране. К этому глубоко ошибочному выводу они пришли именно потому, что рассматривали формулу Энгельса как начётчики, талмудисты, вне пространства и времени, без учета конкретных условий, места и времени ее применения.

И. В. Сталин показал, что Энгельс в своей формуле имеет в виду такие страны, где капитализм и концентрация производства достаточно развиты не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, и потому там имеется возможность национализировать и передать в общенародное достояние все средства производства как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Для такого случая формула Энгельса совершенно правильна. Но в подавляющем большинстве стран, в том числе и в нашей стране, сельское хозяйство было до того раздроблено между мелкими и средними собственниками-производителями, что не представлялось возможным ставить вопрос об экспроприации этих производителей. Для такого случая формула Энгельса неприменима.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 54.

Некоторые горе-марксисты, стремясь во что бы то ни стало доказать свое немарксистское положение о нецелесообразности сохранения у нас товарного производства, вопреки марксистско-ленинскому принципу конкретности истины, утверждают, что товарное производство при **всех условиях** должно привести и обязательно приведет к капитализму.

Разоблачая это метафизическое, абстрактное положение, И. В. Сталин на ряде ярких исторических фактов доказал, что товарное производство не всегда и не при всяких условиях приводит к капитализму, а лишь в тех случаях, когда существует частная собственность на средства производства и когда рабочая сила выступает на рынок как товар, который может купить капиталист и эксплуатировать в процессе производства, т. е. в тех случаях, когда в стране существует система эксплуатации наемных рабочих капиталистами. В нашей же стране, где частная собственность на средства производства, система наемного труда, система эксплуатации давно уже не существуют, товарное производство не может привести к капитализму.

«Нельзя рассматривать товарное производство,— учит И. В. Сталин,— как нечто самодовлеющее, независимое от окружающих экономических условий»¹.

Это положение И. В. Сталина имеет огромное значение для теории познания. Оно учит нас каждый предмет, каждое явление изучать глубоко и всесторонне, учитывая всю совокупность их связи с другими предметами, явлениями, конкретными условиями, местом и временем. Только такое изучение может привести нас к успеху и предостережет от ошибок.

Важнейшее положение марксистско-ленинской теории познания о конкретности истины последовательно проводится и развивается в трудах И. В. Сталина. Ярким примером этого является рассмотрение И. В. Сталиным вопроса о распаде единого мирового рынка и углублении кризиса мировой капиталистической системы.

Известно, что весной 1916 года В. И. Ленин высказал тезис о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде»; в период до второй мировой войны И. В. Сталин сформулировал тезис об относительной стабильности рынков в период общего кризиса капитализма. Оба эти положения Ленина и Сталина были совершенно справедливы для своего времени.

Однако в настоящее время, указывает И. В. Сталин, произошел распад мирового рынка на два параллельных мировых рынка. Вследствие этого «сфера приложения сил главных капиталистических стран (США, Англия, Франция) к мировым ресурсам будет не расширяться, а сокращаться, что условия

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 15.

мирового рынка сбыта для этих стран будут ухудшаться, а недогрузка предприятий в этих странах будет увеличиваться»¹. Поэтому в новых исторических условиях, отмечает товарищ Сталин, указанные тезисы, справедливые для своего времени, теперь утратили силу.

Это положение И. В. Сталина дает новое яркое доказательство критического, революционного духа марксистско-ленинского учения, борющегося против косности, консерватизма и застоя в науке, против превращения наших знаний в мертвые, канонизированные догмы. «Наука потому и называется наукой,— указывает И. В. Сталин,— что она не признает фетишей, не боится поднять руку на отживающее, старое и чутко прислушивается к голосу опыта, практики»².

Величайшая сила марксизма-ленинизма состоит именно в том, что он не стоит на одном месте, не рассматривает свои отдельные формулы и выводы, как собрание догматических положений, а непрерывно изменяется, пополняется новыми положениями, обогащается практикой мирового революционного движения и прежде всего богатейшим опытом строительства коммунистического общества в нашей стране.

«Марксизм, как наука,— пишет И. В. Сталин в труде «Марксизм и вопросы языкознания»,— не может стоять на одном месте,— он развивается и совершенствуется. В своём развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями,— следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам»³.

Практика как критерий истины

В истории развития теории познания вопрос о критерии истины всегда занимал одно из центральных мест. Определяя источник, пути, способы познания окружающего нас мира, люди неизбежно ставили перед собой вопрос: как отделить истинное от ложного, как определить достоверность наших знаний, их соответствие тем процессам, явлениям, закономерностям, которые объективно присущи реальному миру?

Вполне понятно, что идеалисты не могли дать правильного ответа на этот вопрос, ибо они неправильно, антинаучно истолковывали существо самой истины. Для идеалистов, как мы видели, истина представляет собой нечто сугубо субъективное, произвольное творение человеческого сознания. Весь процесс познания идеалисты сводят к чисто психической деятельности

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 31—32.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 502.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 55.

человека. Отражая, как правило, идеологию, стремление и желание реакционных, отмирающих классов, не заинтересованных в истинном познании мира, идеалисты боятся реальной действительности, избегают проверки своих идей фактами, общественной практикой.

До возникновения марксизма вопрос о подлинно объективном критерии истины не был решен не только в идеалистической философии, но по существу и все домарксовские материалисты не могли найти полного научного решения этого вопроса. Все философы до Маркса либо совершенно игнорировали роль практики, как критерия истины, либо сводили ее к опыту, эксперименту, наблюдению и т. п.

Только классики марксизма-ленинизма впервые в истории развития философии нашли подлинно научное решение вопроса о критерии истины, совершив тем самым революционный переворот в теории познания.

Они доказали, что общественно-трудовая, производственная деятельность людей является не только основой всего процесса познания от его начала и до конца, но также и решающим критерием истины и конечной целью познания.

Исходя из материалистического решения основного вопроса философии, диалектический материализм учит, что истина есть адекватное отражение в сознании человека объективной действительности, критерием же того, адекватно ли человеческое сознание отражает внешний мир, является практика.

Только те идеи и теории, которые получают подтверждение в общественной практике, могут быть признаны правильным отражением объективного мира.

Следует отметить, что некоторые идеалисты также признавали практику критерием истины, но практика в их понимании — это не общественно-революционная историческая деятельность людей, а духовная практика, т. е. человеческое мышление (Кант, Гегель и др.) или узкий вульгарный практицизм и делячество (прагматизм — реакционное идеалистическое направление в философии). Такая практика сугубо субъективна. Она не может определить, какие моменты наших идей объективны и какие субъективны, какие из них присущи предметам объективной действительности и какие привнесены нами в процессе мышления. Практика, которая трактуется как проявление духа, сознания, а не как реальная производственно-историческая деятельность людей, неизбежно ведет к поповщине. Она не может объективно отражать действительность, реальную жизнь, поскольку она ограничивается только абстрактной деятельностью сознания. Идея здесь выступает критерием самой себя. Такое понимание критерия истины является антинаучным, идеалистическим.

Игнорирование идеалистами подлинной материальной практики людей вынуждает их придумывать такие критерии исти-

ны, как «ясность» и «очевидность» (Декарт), «внутренняя согласованность мыслей» (Юм), «априорная значимость» (Кант), «экономия мышления» (Мах), «полезность» (прагматисты) и др. Общим для них является отказ от объективной истины и признание так называемого формального критерия истины, который должен отражать не объективную действительность, а соответствие между мыслями. Это особенно ярко проводится в философской системе Канта, неокантианцев и иных идеалистов, для которых формы познания представляют собой чистейшие абстракции, не имеющие ничего общего с объективной реальностью, а все наши знания должны проверяться не путем сопоставления с вещами и явлениями объективного мира, с реальными фактами, а путем сопоставления теорий с теориями, идей с идеями, мыслей с мыслями.

«Истинным» называется положение не потому, что оно совпадает с реальностью, пребывающей по ту сторону всякого мышления и всего мыслимого, писал неокантианец Кассирер, а потому, что оно в процессе мышления само себя доказало на деле и привело к новым плодотворным выводам». Истина у неокантианцев означает не соответствие наших идей, теорий, мыслей, объективной действительности, а выводится из априорных абстрактных понятий чисто логическим путем.

Идеалистическим вывертом являются также и утверждения прагматистов. Известно, что в своей теории познания прагматисты опираются на практику, на опыт, который понимается ими как совокупность человеческих ощущений, переживаний. Истина, с точки зрения прагматизма, творится самим человеком в результате его волевых творческих действий, направленных на достижение поставленной цели. Все познание у них построено на субъективном интересе. Практика, понимаемая ими как торгашеская предпринимательская деятельность, является критерием истины постольку, поскольку она приносит пользу субъекту. «Ценность истины,— писал виднейший представитель прагматизма американский реакционный философ Джемс,— это процесс ее оценки, выраженный в пользе дела».

Прагматизм имеет очень много общего с махизмом. Мах в книге «Познание и заблуждение» тоже утверждал, что только успех может отделить познание от заблуждения. Это кровное родство прагматизма, махизма и солипсизма (разновидность субъективного идеализма) было вскрыто В. И. Лениным в его гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм».

Разъясняя и развивая основные положения теории познания диалектического материализма, В. И. Ленин писал: «Познание может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной при-

родой вещей, которые мы воспринимаем. Для солипсиста «успех» есть все то, что мне нужно *на практике*, которую можно рассматривать отдельно от теории познания»¹.

Прагматизм — это реакционнейшая идеалистическая философия империалистической буржуазии. Она призывает не к действительному познанию объективного мира с целью его изменения, а к **приспособлению к существующей действительности**; она призывает измерять истинность только полезностью. Тот же Джемс в своей книге «Прагматизм» писал: «Истиной признает прагматизм то (и это единственный его критерий истины), что лучше всего «работает на нас», т. е. на капиталистов. Трудно прямее и откровеннее выразить существо этой идеологии хищнического, кровавого империализма.

В противоположность всем этим ухищрениям идеологических прислужников империализма диалектический материализм дает единственно научное решение вопроса о критерии истины, доказав, что именно в практической общественно-исторической деятельности, в процессе производства осуществляется непосредственная связь людей с внешним миром, осуществляется процесс познания и процесс проверки знаний, осуществляется подчинение сил природы интересам человечества.

«Теоретическое познание, — писал В. И. Ленин, — должно дать объект в его необходимости, в его всесторонних отношениях, в его противоречивом движении... Но человеческое понятие эту объективную истину познания «окончательно» ухватывает, уловляет, овладевает ею лишь когда понятие становится «для себя бытием» в смысле практики. Т. е. практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»².

Теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, разработанная В. И. Лениным в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и конкретизированная в Апрельских тезисах, вызывала в свое время яростный вой среди русского и мирового оппортунизма. Отвергая эту теорию, они называли ее «бредовой», способной якобы погубить революцию. Но жизнь, практика, дальнейший ход революции блестяще подтвердили правоту ленинских идей.

То же самое мы наблюдаем и в области естественных наук. Учение о солнечной системе, созданное Коперником, оставалось гипотезой в течение трехсот лет. И только когда Леверрье, пользуясь этой гипотезой, доказал, что должна существовать еще одна, до того времени не известная планета, и даже определил место, которое она должна занимать в небесном про-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 127.

² В. И. Ленин. Философские тетради, стр. 183.

странстве, когда астроном Галле позже действительно обнаружил эту планету, теория Коперника была доказана.

Являясь составной частью и основой познания природы и управления ею, практика дает возможность отделить существенное от несущественного, необходимое от случайного, постоянное от преходящего; практика помогает человеку выбрать из бесчисленных сторон объективной действительности именно те, которые ему нужны для выполнения поставленных перед ним задач.

Общественно-историческая практика человека, его производственная деятельность, являясь критерием истины, помогает разоблачать устаревшие, отжившие теории, а также реакционные, антинаучные и ошибочные идеи и воззрения, тормозящие прогрессивное развитие человеческого общества.

Известно, например, что в науке в течение длительного времени существовала «теория», согласно которой живая материя имеет только клеточное строение. Советский ученый — биолог О. Б. Лепешинская опровергла эту ошибочную точку зрения. Путем научного эксперимента О. Б. Лепешинская доказала наличие живого вещества, не имеющего клеточного строения. Она доказала, что в природе происходит постоянный процесс образования новых клеток из бесструктурного белка.

Именно при помощи опытов, практики вегетативной гибридизации растений И. В. Мичурин и Т. Д. Лысенко неопровержимо доказали антинаучное содержание морганистской «хромосомной теории наследственности».

Являясь критерием истинности человеческих понятий, теорий, представлений о вещах и явлениях объективного мира, помогая вскрывать все реакционное, фантастическое, ошибочное, практика в то же время вносит в наши знания о мире изменения, исправления, дополнения, определяет собою путь дальнейшего развития теории. Жизнь всегда богаче, сложнее, многообразнее, чем наши представления о ней.

Жизнь, практика блестяще подтвердили и доказали правоту учения Маркса и Энгельса. В новых общественно-исторических условиях В. И. Ленин и И. В. Сталин в эпоху империализма и пролетарских революций продолжили и творчески развили марксизм. Гениальным обобщением этой новой практики являются, например, ленинско-сталинские теории о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране, о социалистической индустриализации, о коллективизации сельского хозяйства, учение о государстве при социализме и коммунизме, о путях перехода от социализма к коммунизму, о всеобщем кризисе капитализма и многие другие.

Так жизнь, общественно-историческая революционная практика помогает вносить в наши знания о мире изменения, исправления, дополнения, позволяет Коммунистической партии творчески развивать марксистско-ленинскую теорию.

Подлинная наука, если она действительно является наукой, видит силу и правдивость своих теоретических положений, выводов в том, что они подтверждаются практикой. Поэтому для проверки истинности своих теорий она неизменно обращается к практике, к опыту, к процессу общественного производства.

Признавая практику основой познания, диалектический материализм в то же время не отрицает относительной самостоятельности, преобразующей и организующей роли передовой теории. В то же время он борется и против переоценки, абсолютизирования теории, считая, что в неразрывном единстве теории и практики последняя всегда определяет первую.

Диалектический материализм рассматривает теорию, как обобщенную общественно-революционную практику.

«Теория, — говорит товарищ Сталин, — есть опыт рабочего движения всех стран, взятый в его общем виде. Конечно, теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно так же, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой, ибо она, и только она, может дать движению уверенность, силу ориентировки и понимание внутренней связи окружающих событий, ибо она, и только она, может помочь практике понять не только то, как и куда двигаются классы в настоящем, но и то, как и куда должны двинуться они в ближайшем будущем. Не кто иной, как Ленин, говорил и повторял десятки раз известное положение о том, что:

«Без революционной теории не может быть и революционного движения»¹.

Поэтому теорию и практику нельзя изолировать друг от друга и рассматривать их самостоятельно.

Неразрывное единство теории и практики в марксистско-ленинской гносеологии обуславливается прежде всего тем, что движение познания не завершается приобретением достоверных знаний, проверенных общественной практикой. Это только половина проблемы. Марксистско-ленинская философия считает, что задача заключается не только в том, чтобы познавать закономерности развития природы и общества и объяснять мир, а в том, чтобы использовать эти знания для активного воздействия на мир, для практического преобразования действительности в интересах трудящихся масс. «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, — писал Маркс, — но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»². Величайшая органи-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 14.

² К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. II, стр. 385.

зующая и преобразующая сила марксистско-ленинской теории состоит именно в том, что она направляет практическую деятельность пролетариата, указывает ему пути и способы преобразования действительности, пути строительства нового, коммунистического общества. Какой бы правильной и хорошей ни была теория, она не будет иметь значения, если не будет использована в революционной практике. Вырастая из практики, все наши знания должны возвращаться к ней не только для проверки их истинности, но также и для того, чтобы освещать и направлять процесс революционного изменения мира, производственную, политическую и научную деятельность людей.

«Через практику открывать истины, — пишет Мао Цзедун, — и через практику же подтверждать истины и развивать истины. От чувственного познания активно переходить к рациональному познанию и, далее, от рационального познания к активному руководству революционной практикой, к преобразованию субъективного и объективного мира. Практика — познание, вновь практика — и вновь познание, — эта форма в своем циклическом повторении бесконечна, причем содержание циклов практики и познания с каждым разом поднимается на более высокую ступень. Такова в целом теория познания диалектического материализма, таков взгляд диалектического материализма на единство знания и действия»¹.

Идеологические слуги современного американско-английского империализма потому и проповедают теорию о непознаваемости окружающего нас мира, что они боятся использования трудящимися классами законов науки для коренного преобразования природы и общественной жизни. Стремясь увековечить капиталистическое рабство, доказать неизбежность и неотвратимость всех пороков системы империализма, идеологи империализма твердят о том, что люди бессильны изменить капиталистическую общественную систему так же, как они якобы бессильны бороться со стихийными силами природы.

В противоположность этим домыслам диалектический материализм доказал, а жизнь, практика целиком подтвердила, что люди не только способны овладеть законами развития окружающего нас мира, но и использовать их для прогрессивного преобразования действительности. Это особенно убедительно было доказано товарищем Сталиным в его труде «Экономические проблемы социализма в СССР». На ряде простых и убедительных примеров товарищ Сталин неопровержимо доказал, «что люди могут открыть законы, познать их, овладеть ими, научиться применять их с полным знанием дела, использовать их в интересах общества и таким образом покорить их, добиться господства над ними»².

¹ Мао Цзэ-дун. Избранные произведения, т. I, стр. 528. И. Л. 1952.

² И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 9.

Товарищ Сталин неустанно учит нас, что теория не может успешно развиваться, не опираясь на практику, не проверяя каждый свой шаг практикой, так же как практика слепа и беспомощна, если она не освещает себе путь теорией.

Направляя многогранную и разностороннюю деятельность первого в мире социалистического государства, Коммунистическая партия Советского Союза всесторонне изучает и обобщает новейший опыт хозяйственной и политической жизни нашей страны, укрепляет Советское государство, развивает дальше марксистско-ленинскую теорию и на основе научного познания объективных закономерностей, умело осуществляя единство практики с революционной теорией, ведет нас к светлому будущему, к коммунизму.

Величайшее значение практической деятельности людей, направленной на преобразование природы и общества, на коренное изменение во взглядах и сознании самих людей, особенно ярко и убедительно выступает в наше время, в нашей стране. Сама жизнь, практика коммунистического строительства, самая прогрессивная в мире наука — диалектический материализм помогают нам вскрывать и преодолевать все старое, отжившее, консервативное, мешающее нашему продвижению вперед, помогают разоблачать антинаучные реакционные идеи и теории, способствуют быстрейшему преодолению пережитков капитализма в сознании советских людей, содействуют формированию нового, коммунистического сознания.

Еще в 1908 году великий Ленин писал, что критерий практики, т. е. объективный ход развития истории и прежде всего процесс развития всех капиталистических стран, неопровержимо показал, что «идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем придти ни к чему, кроме путаницы и лжи»¹.

Практика нашего стремительного продвижения вперед к коммунизму еще и еще раз подтверждает правоту и жизнеспособность марксистско-ленинской теории, обогащает ее новым опытом борьбы и побед трудящихся страны победившего социализма.

Этот богатейший опыт революционной борьбы нашего народа под руководством Коммунистической партии, как и опыт классовой борьбы мирового пролетариата, был гениально обобщен товарищем Сталиным.

В «Краткой биографии Иосифа Виссарионовича Сталина» указывается, что «товарищ Сталин дал обобщение всего того, что внесли Маркс, Энгельс и Ленин в учение о диалектическом методе и материалистической теории, и развил дальше учение

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 130.

диалектического и исторического материализма на основе новейших данных науки и революционной практики»¹.

В своих бессмертных произведениях и особенно в трудах «О диалектическом и историческом материализме», «Марксизм и вопросы языкознания», «Экономические проблемы социализма в СССР», в исторической речи на XIX съезде КПСС товарищ Сталин ярко показал неразрывное единство науки с жизнью, передовой революционной теории с практикой, неотделимость и органическое единство мировоззрения марксистско-ленинской партии и ее революционной практической деятельности. Сама коммунистическая партия служит живым воплощением органического внутреннего единства передовой марксистско-ленинской теории и революционной практики.

Указывая на этот важнейший принцип марксистско-ленинской теории, товарищ Сталин писал:

«Значит, связь науки и практической деятельности, связь теории и практики, их единство должно стать путеводной звездой партии пролетариата»².

Значение марксистско-ленинского положения о познаваемости мира для практической деятельности Коммунистической партии

Марксистско-ленинское положение о познаваемости мира и его закономерностей имеет громадное теоретическое, политическое и практическое значение. Товарищ Сталин указывает, что распространение этого положения на изучение общественной жизни, на изучение истории общества приводит к исключительно важным выводам для практической деятельности партии пролетариата.

«Если мир познаваем, — пишет товарищ Сталин, — и наши знания о законах развития природы являются достоверными знаниями, имеющими значение объективной истины, то из этого следует, что общественная жизнь, развитие общества — также познаваемо, а данные науки о законах развития общества, — являются достоверными данными, имеющими значение объективных истин»³.

Этот вывод товарищ Сталин сделал на основе обобщения всей истории развития человеческого общества. Он наголову разбивает измышления буржуазных ученых о непознаваемости общественных явлений.

Современные буржуазные американо-английские философы и социологи, проводя упорную и наглую борьбу против исторического материализма, твердят о невозможности вскрыть какую бы то ни было закономерность в общественной жизни, пы-

¹ Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография, стр. 164.

² И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 545.

³ Там же, стр. 544.

таются доказать бессилие людей изменить существующие в их странах капиталистические порядки.

Классовую сущность борьбы идеологов империализма против общественной науки откровенно выбалтывает итальянский фашиствующий философ Кроче. В своей книге «Политика и мораль» он заявляет, что если бы мы стали рассматривать историю как «сплетение сил, действующих вне нас и по своим собственным законам, то, наряду с их кошмарностью, мы испытываем чувство беспомощности, ибо нет средств овладеть этими силами и управлять ими или регулировать их, поскольку они вне нас».

Чувство страха перед будущим, бессилие перед неумолимым приближением крушения системы империализма заставляет буржуазных политиков и их ученых скрывать от народных масс законы общественного развития, отвлекать их внимание от активного воздействия на процесс прогрессивного развития истории.

Созданный классиками марксизма-ленинизма исторический материализм неопровержимо свидетельствует о том, что «наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»¹.

Истинность положений диалектического и исторического материализма — науки об общих законах развития природы и общества — подтверждается не только тем, что он научно объясняет общественные события прошлого и настоящего, но также и тем, что он дает возможность предвидеть дальнейший ход исторического развития, помогает проникнуть в будущее. Научное предвидение Маркса и Энгельса о неизбежности наступления новой, социалистической эпохи целиком подтверждено жизнью, практикой социалистического строительства в СССР и странах народной демократии. И это является ярчайшим доказательством истинности открытых ими законов общественного развития, доказательством того, что социализм из мечты о лучшем будущем человечества превратился в науку.

«Значит, в своей практической деятельности, — учит товарищ Сталин, — партия пролетариата должна руководствоваться не какими-либо случайными мотивами, а законами развития общества, практическими выводами из этих законов»².

Вскрывая ошибки некоторых наших товарищей, пытавшихся доказать, что Советское государство якобы способно отменить законы общественного развития, законы политической экономии и создать новые законы по своему усмотрению, товарищ Сталин в труде «Экономические проблемы социализ-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 544.

² Там же, стр. 544—545.

ма в СССР» всесторонне доказал, что революционное преобразование общественной жизни так же, как и покорение сил природы, возможно только на основе глубокого изучения и сознательного применения объективных законов науки.

Поэтому важнейшая задача науки состоит в том, чтобы открывать объективные законы развития природы и общества, неустанно познавать эти законы, постепенно раскрывать одну за другой тайны объективного мира и, опираясь на открытые объективные закономерности, учитывая их, дать другое направление разрушительным действиям некоторых законов, ограничить сферу их действия, дать простор другим объективным законам, пробивающим себе дорогу. Другими словами, задача состоит в том, чтобы, опираясь на открытые и познанные законы природы и общества, использовать их в интересах общества, в интересах революционного преобразования объективной действительности.

Это положение, проходящее красной нитью через все произведение И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», имеет исключительно важное значение для теории познания. Оно раскрывает и обогащает один из основных принципов марксистско-ленинской теории познания о неразрывном единстве передовой науки и общественной практики. Познание не ради познания, не ради любопытства, как уверяют идеалисты, а для того, чтобы сознательно применить познанные законы в интересах общества, подчинить их задаче революционной перестройки природы и общественной жизни.

Законы общественного развития, так же как и законы природы, часто действуют разрушительно. Но как только человек открывает эти законы, познает их, он получает возможность контролировать действия этих законов, использовать их в интересах прогрессивного развития общества.

«Когда с современными производительными силами, — писал Энгельс, — станут обращаться сообразно с их познанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественно-планомерным регулированием производства, рассчитанного на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена»¹.

Дальнейший ход развития истории и прежде всего богатейший опыт советского социалистического строительства блестяще подтвердили это важнейшее указание Энгельса.

Вот почему великие вожди пролетариата Ленин и Сталин, исходя из новой исторической обстановки, неустанно развивали и обогащали марксистско-ленинскую науку, беспощадно разоблачали ее врагов.

Именно глубокое знание, всестороннее развитие и творческое применение законов общественного развития к современ-

¹ Фридрих Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 263—264.

ным условиям позволили товарищу Сталину в труде «Экономические проблемы социализма в СССР» всесторонне исследовать законы общественного производства и распределения материальных благ в социалистическом обществе, определить научные основы развития социалистической экономики, указать пути построения коммунистического общества, наметив три основных предварительных условия подготовки перехода к коммунизму.

«Необходимо, — говорил И. В. Сталин, — во-первых, прочно обеспечить... непрерывный рост всего общественного производства с преимущественным ростом производства средств производства. Преимущественный рост производства средств производства необходим не только потому, что оно должно обеспечить оборудованием как свои собственные предприятия, так и предприятия всех остальных отраслей народного хозяйства, но и потому, что без него вообще невозможно осуществить расширенное воспроизводство.

...Необходимо, во-вторых, путём постепенных переходов, осуществляемых с выгодой для колхозов и, следовательно, для всего общества, поднять колхозную собственность до уровня общенародной собственности, а товарное обращение тоже путём постепенных переходов заменить системой продуктообмена, чтобы центральная власть или другой какой-либо общественно-экономический центр мог охватить всю продукцию общественного производства в интересах общества.

...Необходимо, в-третьих, добиться такого культурного роста общества, который бы обеспечил всем членам общества всестороннее развитие их физических и умственных способностей, чтобы члены общества имели возможность получить образование, достаточное для того, чтобы стать активными деятелями общественного развития, чтобы они имели возможность свободно выбирать профессию, а не быть прикованными на всю жизнь, в силу существующего разделения труда, к одной какой-либо профессии»¹.

Однако следует отметить, что плодотворное использование открытых наукой объективных законов природы и общества и на этой основе сознательное управление объективными процессами в полной мере возможно только в странах, освобожденных от капиталистического гнета.

Раздираемый внутренними и внешними противоречиями, капитализм по своей природе не способен полностью использовать уже открытые объективные законы, достижения современной науки и техники, ибо использование многих научных открытий в народном хозяйстве противоречит интересам мощных монополистических объединений. Монополии искусственно

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 66—67, 68—69.

задерживают использование многих важнейших научных открытий и изобретений.

Американский трест «Дженерал моторс», например, использует всего лишь один процент из имеющихся у него патентов на изобретения, остальные патенты лежат под спудом, лишь бы только они не были использованы другими капиталистами. Это происходит потому, что целью частнокапиталистических объединений является не удовлетворение потребностей населения, а производство товаров для продажи с целью извлечения максимальной прибыли.

Только в нашей стране, в условиях планового социалистического производства, открылись невиданные возможности для полного и всестороннего использования передовых достижений научной и технической мысли в интересах улучшения материального положения трудящихся, ибо существенными чертами основного экономического закона социализма, как учит товарищ Сталин, является обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного развития социалистического производства на базе высшей техники.

Истинное познание и правильное сознательное использование объективных законов науки позволяют нам проводить гигантские мероприятия не только по преобразованию природы, но и по революционной перестройке общественной жизни. Строительство социализма и коммунизма в нашей стране стало возможным только благодаря тому, что мы вооружены самой передовой марксистско-ленинской наукой об объективных законах развития человеческого общества.

Сила идей марксизма-ленинизма состоит именно в том, что они, являясь объективными истинами, позволяют нам правильно объяснить и осмыслить прошлое и настоящее, предвидеть ход дальнейшего развития природы и человеческого общества, и потому служат мощным оружием практического преобразования объективной действительности.

Огромное значение познания и умелого применения законов общественного развития товарищ Сталин ярко показал на примере закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Указывая на исключительную трудность и сложность задачи, вставшей перед Советской властью в деле создания фактически «на пустом месте», новых, социалистических форм хозяйства, И. В. Сталин подчеркивает, что эта задача была с честью выполнена только потому, что Советская власть опиралась на закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Используя этот закон, «Советская власть, — указывает И. В. Сталин, — обобществила средства производства, сделала их собственностью всего народа и тем уничтожила систему эксплуатации, создала социалистические формы хозяй-

ства. Не будь этого закона и не опираясь на него, Советская власть не смогла бы выполнить своей задачи»¹.

Глубокое знание и сознательное использование закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил дает нам возможность своевременно вскрывать нарастающие противоречия между отстающими производственными отношениями и непрерывно развивающимися производительными силами социалистического общества, не допускать превращения этих противоречий в противоположность, во-время принимать меры к их преодолению путем приспособления производственных отношений к росту производительных сил.

Наша партия и Советское государство, вооруженные глубоким знанием законов общественного развития, законов развития социалистического общества, сознательно и умело используют их, постоянно опираются на них в своей практической деятельности.

В отчетном докладе XIX съезду КПСС товарищ Маленков указывает, что «планы партии на будущее, определяющие перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным»². Именно опираясь на эти законы и прежде всего на основной экономический закон социализма, на закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, закон планового (пропорционального) развития, XIX съезд нашей партии выработал директивы по пятилетнему плану развития СССР, предусматривающему новый мощный подъем всего социалистического хозяйства и являющегося новым крупным шагом в прогрессивном движении нашего общества к коммунизму.

Величайшее значение истинного, правильного знания объективных законов состоит не только в том, что оно мощным светом освещает нам путь построения нового, коммунистического общества, но также и в том, что оно позволяет нам проводить гигантские мероприятия по преобразованию природы. Известно, что современные гидротехнические сооружения осуществляются на основе новейших достижений науки и общественной практики, на основе самых передовых достижений технической мысли.

С другой стороны, крупнейшие успехи советского народа в деле преобразования природы и общественной жизни являются самым надежным и бесспорным доказательством того, что мы правильно познали объективные законы, на основе которых производится это преобразование. В. И. Ленин учит

¹ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 7.

² Г. Маленков. Отчетный доклад XIX съезду партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 81. Изд. «Правда». 1952.

нас, что «господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы, есть доказательство того, что это отражение (в пределах того, что показывает нам практика) есть объективная, абсолютная, вечная истина»¹.

Поэтому связь теории с практикой, творческое содружество науки и производства, принимающие в нашей стране все большие размеры, являются мощным средством развития как науки, так и практической деятельности людей, помогают нам проводить гигантские мероприятия по преобразованию природы и общественной жизни в интересах миллионов трудящихся.

Блестящим образцом творческого развития науки на основе обобщения практической, революционной деятельности масс являются бессмертные труды великого мыслителя нашей эпохи товарища И. В. Сталина. Обобщив опыт классовой борьбы пролетариата, практику социалистического строительства в СССР и странах народной демократии, товарищ Сталин в своих работах развил дальше марксизм-ленинизм, обогатил науку, вооружил коммунистические партии, трудящихся всех стран глубоким знанием законов общественного развития.

На траурном митинге в день похорон И. В. Сталина товарищ Молотов указывал, что И. В. Сталин «постоянно работал над теоретическими проблемами строительства коммунизма в нашей стране и над проблемами международного развития в целом, освещая светом науки марксизма-ленинизма пути дальнейшего развития СССР, законы развития социализма и капитализма в современных условиях. Он вооружил нашу партию и весь советский народ новыми важнейшими открытиями марксистско-ленинской науки, которые на многие годы освещают наше движение вперед, к победе коммунизма»².

Опираясь на эти великие открытия, сознательно используя их в практической деятельности, советские люди под руководством коммунистической партии успешно строят коммунизм. Опираясь на марксистско-ленинскую науку, на знание законов развития общества, коммунистические партии зарубежных стран возглавляют победоносную борьбу трудящихся за мир и демократию, за торжество социализма.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 177.

² В. М. Молотов. Речь на траурном митинге в день похорон Иосифа Виссарионовича Сталина, стр. 9—10. Госполитиздат. 1953.